18+

ГАЛА САТУРН

ТЕНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

Сатурн Гала
Тень. Книга первая

https://litres.ru/74899632
ISBN 9785007159975

Аннотация

В одной из альтернативных вселенных, в мире где за власть и выживание борются коалиции с разным укладом жизни, люди сталкиваются с личным жестоким выбором по определению критериев добра и зла. И в таком мире любовь и жестокость всегда идут рядом.

Содержание

Тень 5
14
41
45
68
69
Конец ознакомительного фрагмента. 187

Тень
Книга первая

Сатурн Гала

© Сатурн Гала, 2026

ISBN 978-5-0071-5997-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тень
Книга первая

Добро пожаловать в мир, где грань между добром и злом размыта, а пороки — часть повседневности. В книге есть сцены насилия, употребления алкоголя и табака: такова среда, в которой живут герои. Это художественный вымысел.

Все персонажи придуманы, любые совпадения с реальными людьми не являются намеренными.

Эта книга появилась на свет не только моими усилиями — она родилась благодаря тем, кто верил в неё раньше меня. Спасибо моим родным и близким за терпение — за то, что вы не теряетесь, когда я сама пропадаю в авторском мире, и всегда помогаете мне вернуться. Спасибо тем, кто смотрит на мир сквозь мои строки, кто учится видеть знакомое по-новому. Пусть эта история станет для вас тем самым лучом, который показывает дорогу, когда вокруг темно. Ведь главное — не потерять в себе человека, не разучиться любить и быть открытым к чуду, что бы ни происходило.

Машины едут по пустой трассе на высокой скорости. Три больших джипа с тонированными стеклами и круговой защитой.

Раннее утро. Стоит туман вдоль дороги и в низинах. Воздух тяжелый и влажный, свежий. Пахнет луговой травой и опадающей росой.

На заднем сидении второй машины сидит девушка. Короткие белые волосы падают длинной челкой на лицо. Глаза закрыты. Пиджак небрежно накинут на ноги.

В машине громко играет музыка. Водитель скручивает звук и смотрит в зеркало заднего вида на пассажира.

— Лекса может тише всё же сделать? Ну честно у меня от твоей подборки музыки головная боль начинается. Где ты такое находишь старое и шумное?

Девушка, не открывая глаз, кивает.

Тишина окутывает пассажира и водителя, прерывается шелестом колес по трассе. В машинах с хорошей звуковой изоляцией можно даже скрип мыслей услышать. Она не любит это состояние. Она давно не умеет находится в тишине, она ее пугает и заставляет думать. А иногда нужно просто быть.

Мысли прерывает отдаленный взрыв. Яркое пламя вспыхивает под капотом первой машины, и она слетает с трассы.

Вторая машина спотыкается и мгновение замирает.

Пространство сжимается и его резко наполняет звук битого стекла и скрежет металла.

Мир перевернулся несколько раз и замер…

Где-то стрекочет цикада.

Ветер треплет волосы.

Потрескивает огонь.

Девушка открыла глаза. Она повисла на ремне в перевернутой машине, вокруг никого. Со свисающей белокурой челки крупными каплями сочится кровь.

— Хватит спать ваше величество. Выползай. Тебя ждем.

Голос вырвал из тишины мыслей и заставил вскинуть голову. В глазах помутнело. Сердце сжалось. Она не любила это ощущение. Это чувство беспомощности, которое захватывает тебя полностью изнутри.

Она нащупала рукой замок ремня, щелкнула им и упала на четвереньки. Плечо отозвалось болью. Мужские руки грубо вытащили её из машины и не без усилий бросили на землю.

Она зажмурилась от боли.

— Давно не виделись Лин. Я скучал.

Её голубые глаза распахнулись и на секунду в них что-то вспыхнуло. Девушка взяла себя в руки. Подняла голову снизу-вверх.

— Ну так помоги даме встать. Встреча я так скажу не из приятных… Но ты всегда был …джентльменом.

Парень улыбнулся.

Девушка заняла положение сидя. Аккуратно ощупывала правую руку — из плеча торчало несколько осколков. Над бровью был глубокий порез и кровь продолжала сочится теперь уже по лицу.

— Я бы предпочёл держаться от тебя на расстоянии. Мы

оба знаем, что внешность обманчива. Но я правда соскучился по тебе и твоему голосу.

Девушка хмыкнула.

— Извини что не пою от радости для тебя. Я встану?

Парень кивнул. И махнул рукой в сторону.

Девушка, не торопясь встала на четвереньки и потом в полный рост. Осмотрелась.

Позади неё, в метрах трех стояло двое вооруженных мужчин. Она перевела взгляд в поисках первой и третьей машины. Первая стояла, врезавшись в дерево. Двое её людей стояли на коленях с руками за головой под дулом оружия еще двух мужчин. Она невольно наморщилась. Третьей машины было не видно.

— Третью машину мы пропустили. Я не воюю с детьми и обслугой.

Она подняла глаза на парня.

Ее серые глаза встретились с его синими.

— Где Он?

Парень улыбнулся и прижал свободную руку к груди.

— Поражен в самое сердце. Ты рядом со мной, а спрашиваешь про другого. Не хорошо. Не тактично. И так …по-твоему. Всегда выбор не в мою пользу.

— Ты понял в чем вопрос. Где Он?

— Там за деревом на траве лежит, без сознания. Не послушный он у тебя. Не пристегнутый был. Кажется, голова его не такая крепкая как ему хотелось. Или слишком напич-

канная не тем, что надо.

Она выдохнула. Парень хмыкнул.

Перевела глаза на высоко парня с короткой стрижкой. Она даже на расстоянии двадцати метров чувствовала его кипящие злость и страх.

Беспомощность.

Вот то чувство, которое сейчас объединяло всю её команду. На их лицах и в их венах просыпался животный страх.

— Людей отпусти. Они же не нужны тебе.

Парень наклонил голову вправо. И в его глазах блеснула сталь.

— Это Твои люди. Они все пойдут за тобой! Но я обещаю, что Его не трону. Пусть живет… ЕСЛИ выживет.

— Ты сам сказал это между мной и тобой. К чему тебе эти игрушки?

Она кивнула на пистолет в его руке.

Он снова хмыкнул.

— Мы слишком близко с тобой знакомы. Я знаю, насколько ты бываешь …вредной и упертой.

Она улыбнулась.

— А я вот не скучала по тебе.

И сделала шаг вперед.

Он вскинул руку с оружием.

— Не рекомендую тебе шагать ближе. Следы нашей последней встречи я специально не стал удалять до конца в назидание самому себе.

Она улыбнулась еще шире и рукавом водолазки вытерла кровь с лица. Поморщилась.

— Помоги мне лучше с этим.

Девушка дотронулась до осколка в плече.

Он рассмеялся.

— В гробу они не мешают. Я к тебе не планирую подходить.

Сзади послышались смешки мужчин с оружием. И реплики: «Первый раз вижу мужика, который ссыт при виде бабы».

Парень отвел глаза и не оборачиваясь сказал ни к кому не обращаясь:

— Плохо вы знаете женщин.

Девушка потянула осколок с плеча и громко выдохнула со стоном, когда тот вышел. Кровь просочилась из места пореза:

— Шрам останется похоже… еще один. — Сказала девушка вслух и пошатнулась в сторону парня.

Он снял оружие с предохранителя. Холодный щелчок отрезвил всех вокруг и заставил всё вокруг накалится. Воздух стал невыносимо тяжелым.

Она обернулась в сторону, где на коленях сидели двое мужчин. Посмотрела в черные глаза и помахала головой, как бы говоря — не надо. Мужчина выпрямил плечи, но она еще раз помахала и улыбнулась.

— Зачем тебе это? Я думала мы уладили всё давным-давно.

Шаг.

— Алина стой, я предупреждать больше не буду.

Шаг.

— Лина твою мать стой!

Девушка остановилась на расстоянии вытянутой руки от оружия, направленного ей в лицо. Аккуратно подняла руку ладонью вверх.

— Давай вот только без пошлостей. Ну не в лицо ё-маё. Хотелось бы красивой в последний путь. И тебе самому не думаю, что будет приятна моя рожа с простреленной башкой в памяти. Не твой стиль.

Она перевернула руку и аккуратно надавила пальцем на дуло опуская его на уровень груди. Опустила руки.

— А знаешь, что?

Парень смотрел не отрываясь.

— Ты ведь не прав. Я очень изменилась.

Девушка широко улыбнулась. Вытерла рукавом кровь со лба. И прыгнула на парня.

Выстрел обжег плечо, пелена боли смешалась со страхом. Девушка зубами вцепилась в шею и сомкнула зубы. Парень уронил пистолет и со всего размаха ударил ее в бок по ребрам. Она разомкнула зубы и ослабила хватку.

Они оба упали на траву.

Одной рукой он зажал рану на шее откуда текла кровь, второй пытался спихнуть девушку по дальше и нащупать пистолет.

В этот момент в отдалении послышались хлопки и возня. Мужские отдаленные голоса, крики.

Только её серый взгляд неотрывно смотрел в синие. Она улыбнулась. Кровь стекала не только из раны над бровью, но и с зубов, окровавленный оскал придал жуткий животный вид девушке.

Она навалилась на парня в прыжке. Ногой откинула пистолет. Выхватила нож с его ножен на ноге и двумя руками со всего размаха уперлась в оружие, нависая всем телом.

Так они и застыли на мгновенье. Он снизу с перекрещенными руками удерживающий нож в нескольких сантиметрах от груди, и она сверху на нем упирающаяся всем телом в этот спасительный кусок металла.

Их глаза встретились. Её спокойные, холодные, и его синие. В эту минуту вселенная решила всё за них. Девушка выдохнула и перенесла весь вес на нож. Лезвие медленно вошло в тело. Его рубашка промокла. Он задержал дыхание и медленно выдохнул.

Она наклонилась почти вплотную к нему.

— Ты даже не представляешь, насколько я любила тебя…

Его глаза распахнулись.

— Так же сильно, как и ненавидела.

Он улыбнулся и расслабился всем телом. Одну руку он перенес к её к лицу, как бы пытаясь убрать свисающую челку.

Нож вонзился полностью с его последним выдохом.

Так они и лежали какое-то время. Её полностью захватила

пустота и боль…

Осознание того, что она почему-то всё еще жива пришло спустя пару минут.

Девушка стиснула зубы и перекатилась с мертвого тела. Она резко встала и осмотрелась. Вокруг нее стояло мерцание щитов. Большой черноглазый мужчина бежал в её направлении, водитель пинал тех, кто держал их на мушке. Двое из тех, кто были с ними лежали обездвиженные. Над ними кружили дроны.

Девушка выдохнула. Подняла голову на находящийся с ней щит и кивнула. Потом обернулась к подбежавшему, улыбнулась.

— Не кричи пожалуйста.

И осела на траву в обморок.

Девушка открыла глаза. Вокруг мерцали проекции датчиков. Она огляделась.

Помещение было в светлых тонах. Экраны здоровья с показателями беззвучно транслировали данные. Слева на стене проекция от потолка в пол показывала туманный лес в дымке. Еле уловимо шумел ветер и пели птицы.

Девушка села. Плечо, голова, рука, ребра ответили болью на это движение. Провела пальцами по запястью. На коже зажглась проекция контекстного меню.

— Диагностика системы!

Появились бегающие человечки на проекции.

В голове отозвалось:

— Диагностика системы невозможна, нет связи с Сектором.

— Диагностика повреждений внутренней системы!

В голове повторилось:

— Диагностика системы невозможна, нет связи с Сектором.

— Вызов последней записи!

И снова отозвалось безжизненным электронным:

— Воспроизведение записи невозможно без синхронизации с сервером.

Девушка фыркнула.

— Зачем мне такая система если толку от тебя ноль!

Спустила ноги с кровати. Посмотрела на капельницу и выдернула ее. Встала.

Ноги подкосились… Села возле кровати на полу.

— Изучаешь пол Лекса?

Девушка вскинула голову и улыбнулась.

— Федя… -тихий выдох с почти детской улыбкой.

Парень протянул свою большую руку и помог аккуратно встать. Он занял всё пространство над девушкой. Она взяла его под руку и облокотилась.

— Веди меня.

Парень хмыкнул.

— Столько лет, а всё туда же. Я всегда говорил, что ты с ним до хорошего не дойдешь.

— Веди молча раз про столько лет вспомнил.

— Мы огрызаемся? Быстро раны затягиваются. Всегда меня поражаешь этим.

Парень остановился и посмотрел серьезно в лицо:

— Не делай так больше пожалуйста. У меня чуть сердце не остановилось. Я уже мысленно оплакивал тебя и рвал на части этих чертей.

Лина так же серьезно посмотрела в его черные глаза:

— Я понимаю. Сама попрощалась. Но я понимала, что времени нет. Я надеялась на Тиньк и была права. Если бы я не поступила так, они приехали собирать наши трупы. Макс не изменился… все так же любит много говорить и слушать

самого себя. Надо было что-то делать, пока его подельники не устали от его болтовни. Из них только он знал, куда приехал иначе нас бы, пристрелили до того, как вытащить из машины.

— Да, тут не поспоришь конечно.

— И вообще нам всем когда-то что-то нравилось, прекрати меня тыкать, я ведь могу и ответить. Этот человек много места занимал в моей жизни ты знаешь.

— Я знаю, что этот человек оказал на тебя слишком большое влияние. Ты всегда выбираешь тех, кто способен разрушать тебя.

Они вошли в палату. Посреди комнаты стояла такая же большая кровать. Проекции мониторов светились позади спящего пациента. На голове стояли датчики. Капельницы торчали из обеих рук. Мужчина был бледным. Создавалось ощущение безмятежного сна.

Девушка громко села в рядом стоящее кресло и подтянула ноги, запахнула халат и замерла.

— Что с ним?

Фёдор взял стул и сел рядом.

— Он был не пристегнут, и его аварийная система сработала в последний момент, когда включился датчик веса и резкого перемещения. Пена не успела полностью отработать, он пытался прикрыть руками лицо, но удар пришелся на голову и шею. Ему повезло что фиксация прошла, иначе ему не помог бы ни черт, ни дьявол.

— А Бога мы в счет не берем?

Парень повернулся к девушке. Она неотрывно смотрела на кровать с больным.

— Лина… про нас Бог не помнит. Мы из его списка давно вычеркнуты. Ты же знаешь моё мнение.

Девушка медленно кивнула.

— Рассказывай, где мы, в живых кто-то остался из нападавших? И где врач черт возьми?

Федор улыбнулся.

— Мы в новой реабилитационной колонии. Она находится в черте Сектора, но глубоко под землей. Системы внутри не работают чтоб никто не смог определить точное место координат. Персонал весь «авторизован». Их срок неделя, дальше обнуление. Так что никто не вспомнит после смены, кого лечил и когда. Данные передаются напрямую в систему Теней, так что отчет будет виден только имеющему доступ. Выжили двое что были возле твоей машины. Детям тоже сообщили, что ты жива. Хотя они в принципе и не знали, что что-то не так. Только Алек переживал, но виду не подавал — взрослый уже. Всегда удивляюсь твоему старшему. Твоя полная копия, хотя генотип больше отцовский. А вот что с ним… тут лучше доктор объяснит. Его машина рванула каким-то не совсем обычным дроном, там была волна какая-то. Мы не успели почувствовать, как техника заглохла, и весь удар взяли на себя спереди сидящие. Я если честно нифига не понял кроме того, что всё плохо.

Девушка сжала скулы.

— Зови этого чудо доктора. Будем общаться значит. Ты же понимаешь, что вернуться в Сектор без старшего — это проблема?!

Мужчина кивнул и вышел.

Девушка аккуратно сползла с кресла и села на кровать к спящему. Провела рукой по волосам. Пролистала мониторы с показателями. На большой кровати мужчина казался подростком. Она слишком хорошо знала его безмятежное выражение лица.

— Ты слишком упертый, чтоб оставить последнее слово за мной. Открывай глаза и спорь со мной… пожалуйста…

Сзади откашлялись.

Зашел невысокий мужчина в белом костюме с яркими оранжевыми швами. На груди проекция гласила — врач-информациолог. У него были не пропорционально длинные руки и пальцы пианиста. В глазах светились электронные датчики.

Он не улыбался и не хмурился. Смотрел с интересом.

— Можете называть меня Инфо. Я отвечаю за сбой организма, связанного с нарушением работы внутренних систем поддержания, их наладку и реабилитацию, замену и восстановление, если понадобится.

Она кивнула на монитор.

— У него проблемы с интерфейсом? У него стоит самая последняя инновационная система наивысшего звена. Какие

могут быть проблемы?

— Его система держит сознание внутри. Физически повреждений нет, которые могут препятствовать нахождению в сознании, а вот алгоритм стоит в защитной функции и снять его мы без вреда не можем. При попытке собрать алгоритм восстановления сознание распадается на отдельные куски, и мы не можем понять, как собрать воедино весь путь, чтоб собрать того человека, которым он был. У нападающих была волновая взрывчатка, мы еще с такой не сталкивались. Поэтому в вашей машине не сработали подушки на заднем сидении, а в первой машине поздно включилась фиксирующая пена. Все активированные потеряли сознание не столько от удара при взрыве, сколько от того, что внутреннюю систему атаковали. Если бы это случилось, когда системы были в общей сети… думаю вы все, были бы в состоянии овощей. Понимаете?

Девушка встала с кровати и вернулась назад в кресло.

— А он почему в этом состоянии тогда? Он не находится в системе постоянно.

Врач пожал плечами.

— Мы разбираемся. Если не разберемся Мы, не разберется никто. Самая мощная диагностика стоит у нас. Мы связались с центром активации и разработок — скинули им копию выгруженного анализа. Поверьте, мы понимаем важность. Это оружие способно одной волной глушить всю систему защиты. Кто-то потрудился чтоб достать Вас. Спас-

ло что организм гибридный. Я никогда не видел настолько быстрое переключение от искусственного управления на естественный.

Федор рассмеялся в голос и подмигнул доктору.

— Наша система не управляется искусственно, в этом ошибка всех. Мы изначально на естественном управлении. Таких очень мало. Мы не регулируем свои навыки искусственно, мы такие по рождению. У него так же. Почему он в таком состоянии один?

Врач задумчиво пожал плечами и кивнул.

— Мы не знаем. Мне бы было интересно с вами поработать вне системы… Жаль, что это невозможно. Я только слышал про такое, что оставляют инстинкты без управления, но я не представляю, как это. Сейчас все стремятся исключить гормональные чувства и реактивные эмоции.

— Это сложно и просто одновременно, — сказала девушка, — но это сейчас не важно. Мы достанем вам всю информацию от нападавших. И постараемся максимально узнать все во внешнем мире.

— Спасибо. Это в интересах… вашего друга.

— Мужа… он мой муж…

Доктор еще раз кивнул.

В комнате было темно и тихо. Только потрескивание в камине огня говорило о наличии чего-то живого в этой комнате. Если открыть тяжелые гардины и впустить свет мы уви-

дим большую кровать на подиуме с тяжелыми балдахинами в углу, стеллажи с книгами по периметру, два письменных стола и два кресла, стоящих напротив друг друга, большой современный камин и два удобных кресла качалки с подножками около небольшого сервировочного стола между ними, пушистый мягкий ковер с большим ворсом в углублении пола, стилизованного под диван, стены в светлых тонах. За тяжелыми гардинами витражные окна в пол с проекциями туманного леса.

В кресле сидит девушка с бокалом и смотрит в пустоту. Она просто наблюдает за тем, как живет огонь. Периодически отпивает из бокала янтарную жидкость, задерживает дыхание, закрывает глаза, оценивая выпитое и шумно выдыхает.

Топот за дверью заставляет её накинуть плед на ноги и откинуться на спинку чтоб видеть входящего.

В комнату постучали.

— Мам?

Девушка улыбнулась.

— Входи Мик. Я не сплю.

Парень был высокого роста, около метр девяноста пять, широкоплеч, короткострижен с глазами цвета янтаря.

— Я знаю, что ты не спишь так рано, мам. Как ты?

— Ты за этим приехал? Спросить, как я?

Парень кивнул на бокал.

— Ты знаешь, что это вредно и пьешь… Налью себе?

Девушка улыбнулась.

— Ну если твоя жена не будет мне потом высказывать что я спаиваю ее мужа, то, где коньяк в этой комнате ты знаешь.

Парень рассмеялся. Его глубокий голос мягко расплескался по комнате. Он поцеловал мать в лоб и сел рядом на полу с бокалом.

— Я видел Льва. С Графом без изменений?

Лекса сморщилась.

— Одни балаболы вокруг меня.

— Я запретила приезжать Алексу, и ты примчался вместо него?

— Мать. Не начинай. Ты тут взаперти второй месяц. Может пора выйти из замка дракона и взять себя в руки? Ты должна принять что придется жить пока так.

Парень перешел на повышенные тона.

— В конце концов ты всегда была как кошка, у которой девять жизней. Ты из такого выходила победителем что не дай бог врагу. Не прогоняй нас. Мы хотим, чтоб ты взяла себя в руки и вернула нам нашу мать. Даже Снежик грустит и не лежит у твоих ног, а эта зверюга наводит страх даже на меня порой.

Девушка допила бокал. Встала с кресла, налила еще, бросила льда. Подошла и погладила по голове мужчину.

— Я всегда знала, что он жив.

— Он и сейчас Жив!

— Как объяснить тебе Мик. Я знала, что он где-то есть. Да

без меня. Да черт-те где, но в этом мире. А сейчас я знаю где он вплоть до точки координат. Но он НЕ жив! И Я НИ ХРЕНА НЕ могу сделать! Я всегда могла что-то сделать! В любой доступный мне момент. А сейчас мы бессильны и это убивает меня. Три месяца он в том центре. Три месяца исследований, выгрузок, каких-то опытов. Да мы фактически воссоздали этот вирус и это оружие. Фёдор перевернул всю изнанку, Дьяк привез всех подпольных умельцев и провел им принудительную активацию ради сохранения информации. Боже мы уже сделали невозможное! И этого мало… Мик я не могу дышать без него, как если бы мне вырвали легкие. Мы расстались на повышенных тонах и со скандалом, и не хочу чтоб это было последнее в моей и его памяти, понимаешь?

Парень рассмеялся в голос.

— В который раз, мам? Но я понял мысль. Алекс пытался мне что-то такое объяснить, но ты же знаешь он сухарь.

Алина улыбнулась.

— Он не сухарь. У него болит сердце, ты не знал? Наш Алекс влюблен и кажется это безответно, а с его характером это его разъедает изнутри.

— Ты хотела сказать с твоим характером?

Оба рассмеялись.

— Вы все мои дети. В моем случае генетика сработала исключительно и передала вам только мои гены. Хотя я скажу честно — отцовского в Вас тоже много.

— Мам мы же решили, что эта тема нам не интересна. У

нас есть ты. Пусть пока так и будет. А теперь давай приходи в себя и поехали к нам в гости, будем восстанавливать тебя по кускам. Из достижений твоих детей и внуков, пока жена меня не прибила за шатания после полуночи.

Девушка подняла бокал как бы салютуя и задумалась.

— Как ты сказал?

Парень пожал плечами.

— Смотря что.

— Надо попробовать. Вызов Информера Вика.

Девушка встала и стала шагать по комнате. Парень скрестил ноги по-турецки и стал наблюдать с повышенным вниманием. Девушка бродила по комнате с бокалом. Изредка касалась козелка и что-то бурчала под нос.

— На кой фиг нам эти технологии если я не могу дозвонится не до кого!!! Твою мать эту секретность!

Парень улыбнулся. Он видел, как выпрямились плечи и осанка такой любимой им женщины. В её глазах пылал огонь действий. Можно было ощутить накал мыслей и почувствовать горечь и возрастающую злость.

— Мать. Да ты выходишь из-под контроля аж датчики шкалят.

И засмеялся в голос.

Девушка резко остановилась. Посмотрела на него. Закрыла глаза. Вдох — выдох. Открыла глаза. Улыбнулась.

Он узнал ее. В нее возвращалась жизнь.

— Маа. Что Я только что сказал? Не поднимай волну по-

жалуйста. Я рад конечно, что ты так быстро пришла в себя, но я потом получу по голове от всех если ты расстроишься от того, что не получила того, что я сказал не понять что.

— Тихо Мик. Вызов Фёдор — вывести визуал.

Перед девушкой возникла проекция окна с бегающими снежинками и котиками.

Парень ухмыльнулся.

— Котики за снежинками? Серьезно, мам?

Она кивнула.

В проекции появилось знакомое лицо с черными глазами.

— Даже не буду спрашивать, что за звонок в три утра. Рад тебя видеть.

— Федя мне нужен Вик. Сейчас.

— Ты же знаешь, что он с Тэнкс в лабе? Помнишь про защиту, про все те штуки и отключение связи? Ну знаешь ведь?

— Феедяя. МНЕ нужна связь с ВИКОМ. СЕЙЧАС!

— Боже я, кажется, перестал скучать по тебе. Это рекорд по времени. Собирайся, через 10 минут буду. Судя по твоим глазам, ты за руль не сядешь.

— Я не так много и выпила. Но за руль не пойду. Твоя штука мне заблокирует машину.

— Ну и отлично, я бы доспал свой сон.

На заднем плане послышалось сонное женское:

— Привет Лекса.

— Привет Таша! Извини что поздно! Мне очень нужно,

правда.

Девушка засмеялась.

— Езжайте ради бога! Он за два месяца безвылазно довел меня и детей до нервного срыва. Увези его по делам пожалуйста. Конец связи.

Через пол часа машина мчалась по трассе. Мужчина и женщина ехали под басы музыки. Подпевали.

Он украдкой смотрел на нее. Она смотрела в окно и периодически повторяла вызов связи. Он восхищался этой девушкой всю жизнь. Её сила и спокойствие, стойкость, держали их всех на плаву. Благодаря ей все они могли дышать над болотом, в котором росли. Два месяца он не знал, что делать. И сейчас он переживал только за одно — чтоб то, что задумано, получилось. Он видел, как она теряла себя не имея цели. Он знал, насколько разрушительна она может быть, когда в отчаянии. Знал, насколько опасна ее внутренняя сила, которая оборачивается против нее же самой, когда она не в состоянии совладать с собой. Он никогда не одобрял выбор её мужчин, но она никогда никого не слушалась и становилась только сильнее. И сейчас уже не молодая женщина, которая пела песни в его машине, которая стала ближе, чем кто-либо в этом мире, опять начинала расправлять крылья и видеть какую-то цель.

На панели пропали подсказки, и система оповестила об автономном режиме.

— Почти приехали. Так и не поделишься задумкой?

— Нет пока. Я хочу обсудить с Виком для начала. Возможно, это соломинка для утопающего, но я уже не знаю, что делать и как помочь.

Мужчина кивнул.

Вдалеке появились маскирующие столбы. При подъезде машины к ним на лобовом стекле и по внешнему контуру зажглась маркировочная сетка. На запястьях зажглись информационные окна о въезде в зону ограничения, встроенные динамики оповестили что ресурс управления ограничен.

Машину припарковали. Девушка быстрым шагом направилась в центр на поиски нужного человека. Федя откинулся в водительском кресле и закрыл глаза. Это чувство всегда появлялось перед какими-то происшествиями и сейчас на подкорках мозга мелькало только одно — пусть хоть раз это будет что-то хорошее…

Мужчина открыл глаза и посмотрел на мерцающие огоньки купола через панорамную крышу.

— Господи… есть ты там или нет… помоги хоть раз. Один маленький раз прошу, помоги.

Он выдохнул, вышел из машины и пошел на поиски.

Вик сидел на стуле и нюхал аромат кофе попутно пытаясь слушать что ему рассказывают. Он пытался хлопать глазами, тереть их, мотал головой для ясности мыслей, разминал шею и тянул носочки пальцев на ногах… босых ногах… потому что он спал, когда к нему влетела эта женщина — тайфун с

чашкой кофе. Она зажгла свет, трясла его за плечи пока он не сел. Завернула его в простынь хихикая и вручила чашку кипятка в руки.

Вик, искренне пытался соображать с той же скоростью, что и поток мыслей оппонента. Но когда ты спишь по три часа в сутки несколько месяцев — это делать сложно.

Фоном шел поток речи. Вкусно пах горячий кофе.

Он поднял глаза, потому что наступила тишина.

— Вик ты меня не слушаешь?

Врач сфокусировался. Сделал большой глоток кофе. Обжег губы, язык, пальцы. Уронил чашку. Громко выдохнул и замотал обожженную руку мокрой простынью.

— Лекса выйди отсюда на фиг и дай доктору одеться!

Женщина удивленно обернулась.

— Федя я ему рассказывала…

— Да вижу я по его лицу что ты ему рассказывала. Дай ему натянуть штаны, умыться и понять вообще какого черта он делает на этой бренной земле.

— Да блин.

Федор мягко толкнул сестру к выходу и закрыл дверь. С другой стороны, послышалось злое сопение.

— Иди мужа проверь. А не на чужих мужиков без штанов смотри.

За дверью раздалось громкое фырканье и удаляющиеся шаги.

Федя обернулся к врачу.

— Привет Вик. У тебя есть минут десять пока она начнет активно тебя выцарапывать отсюда. Приходи в себя.

Врач кивнул.

— Я в душ и подойду. Пять минут.

Обернулся и добавил.

— Женщина ураган. Боже откуда столько сил.

Федя рассмеялся. Громко, раскатисто.

— Коньяк. Её тайна коньяк с какой-нибудь гадостью. Что типа трав мохито или лимона. Это в её семье рецептура. Еще хорошо, что не травяной сбор. Иначе мы бы ее не утихомирили пока она не получила что хочет. …Пять минут Вик. Беги.

Спустя пол часа в большой светлой комнате собрались четыре человека. Врач сидел за большим прозрачным столом и рассматривал мерцающие схемы и показатели.

Женщина ураган стояла сзади своего кресла, облокотившись руками и наблюдая за доктором. Тиньк и Федор сидели тихо с чашками кофе и ждали.

Вик кивнул.

— А теперь давай с самого начала свою мысль. Теперь я готов к восприятию.

Лина улыбнулась.

— Я правильно понимаю, что мы не можем его привести в чувства, потому что алгоритм не работает в правильной последовательности?

— Да. Память не собирает его жизнь в единую цепь. Нейронные связи не могут определить период и правильно собрать цепь.

— Вик я знаю, что у активированных высокопоставленных лиц имеется возможность параллельного входа в память. Эта функция работает?

— Да. Но нам она не поможет. Повторю. Его связи…

Девушка подняла руку вверх, прерывая его.

— Я слышу с первого раза. Давай идти просто пошагово. Думаю, ты уловишь мысль.

Врач кивнул.

— А подключить не алгоритм, а живые нейроны мы можем?

Вик откинулся на спинку стула.

— Они должны быть одинаковы по возрасту, плюс-минус и этот человек должен был знать пациента очень близко и очень долго. Иначе просто не будет толку.

Девушка улыбнулась. Тиньк выпрямилась и обернулась.

— Как нам повезло что такой человек есть, да Лина? Ты ведь к этому ведешь?

Лина кивнула. Тиньк повысила голос:

— А ты понимаешь, что мы можем стереть Твою личность?! Если его алгоритм пойдет по твоей линии, то они могут синхронизироваться…

— Как паззл? — Лина улыбнулась еще шире, -И собрать воедино всю личность без алгоритма? Вручную. Я ведь пра-

ва?

Тиньк и Вик переглянулись.

— Этого никто никогда не делал. Это только предположение. Запараллеливание всегда происходило через устройства, без участия оператора.

— Моему алгоритму ничего не будет. Он не подключен для скачивания. Вик ты же знаешь об этом. У меня отдельная степень защиты стоит. Но Вам всем это запрещено знать. У него тоже свой ассистент — его нужно просто подцепить и запустить.

Доктор кивнул.

— Но именно поэтому мы не сможем просчитать все последствия. Ты понимаешь это? В случае с тобой мы вообще ничего не сможем. Даже проконтролировать память. Мы не сможем тебя выгрузить. Не сможем сделать копию. Ты понимаешь, что в случае с тобой смерть будет без шанса на восстановление даже для родных? Ты просто растворишься?

Федя встал. И пошел к выходу.

— Где тут взять выпить?

Вик и Тиньк переглянулись.

— Не продолжайте перечислять последствия и угрожать ей. Ничего Вы не добьетесь. Она услышала, что хотела. Ты сказал, что это возможно. Даже если ты скажешь, что есть 0,1 процент она пойдет на это. Я слишком долго её знаю черт возьми. Так где тут достать выпить? Хоть спирт? Прежде, чем на всё это пойти и переварить дайте мне выпить.

Вик встал:

— Пошли. Выпьем оба. Надо подумать над этим всем. Тиньк?

Девушка кивнула.

— Мне надо подумать над процессом.

Лина обошла кресло. Села в него и вытянула ноги. Закрыла глаза.

— Можете выпить конечно, но завтра начнем работу.

Вик резко развернулся.

— Это НЕ реально! Одно только оборудование будут везти неделю.

— Оно будет завтра. Я сама организую. Еще вопросы?

— Лина послушай. Надо продумать всё. Нужно подготовить программы записи и синхронизации. Нужно максимально решить, как это сделать безопасным для тебя.

— Вик. У тебя есть сегодня и завтра. У тебя есть целый штат сотрудников. У тебя есть Тиньк. Решайте. Срок Я обозначила.

Вик вылетел из комнаты, за ним выскользнула Тиньк. Федя просто шумно выдохнул и громко хлопнул дверью.

Девушка осталась в тишине. Она зажмурилась. Слезы подкатывали к горлу и щипали веки, но она шумно выдохнула, прижала ладони к глазам и натянула улыбку. Плакать нельзя. Думать тоже нельзя. Мысли роем бились и пульсировали. Все потом. Сначала решение проблемы.

Спустя час девушка тихо вышла из комнаты. По коридо-

рам ходил персонал в одинаковых костюмах. На карманах ярко переливались цифровые бэйджи. Яркие швы издалека помогали определить статус персонала и квалификацию. Охрана стандартно в черной одежде молча стояли на страже. Все это было похоже на белых бесшумных призраков и черные столбы ограничители. От Вика младший персонал отличался еще наличием барьерных масок на лице. Издали казалось, что идет гибридный робот. Но все знали, что андройды были запрещены в таких учреждениях. От них отказались, когда стало ясно, что не всегда абсолютно здравый смысл лучше. Роботов применяли на статической работе. И там, где утечка ресурсной информации не считалась критичной. Они работали на тяжелых физических работах, на опасных производствах, или точечных операциях, где человеку было сложно. Повсеместно применялся живой человек или улучшенный — гибридный.

Девушка спокойно прошла мимо всех палат на выход. Села в машину и плавно поехала на выезд. Музыка гремела так что шевелились волосы. Она открыла окна, чтоб шумел ветер и развевал короткие волосы. Как только на руке появилось табло — в сети, она притормозила к обочине.

Огляделась.

Нашла в бардачке сигарету и прикурила. Плохая привычка, которая давала возможность фокусироваться на течении дыма.

— Вызов Дьяк. Вывести визуал.

Вновь появилось окошко с бегающими котятами. Девушка отошла с дороги. Огляделась.

— Активировать защитные щиты.

Вокруг отлетели несколько маленьких прозрачных дисков и начали кружить. Девушка отошла с дороги.

В цифровом окне появилось знакомое лицо.

— Привет моя хорошая.

Она выдохнула дым и улыбнулась.

— Мне нужна помощь.

Мужчина улыбнулся.

— Ну я другого и не ожидал после звонка Мика. Он сказал ты умчалась с Федькой. И если я его не вижу рядом значит это что-то серьезное. Говори.

— Свяжись с Корпусом Теней, нужно доставить оборудование для параллельной синхронизации. Там поймут, о чем ты. Когда ответит секретарь назови разовый код — фаза ноль. Дальше просто скажешь, что и куда. Я сама не могу отсюда этого сделать. Я могу только принять вызов, инициировать далеко выезжать.

Голубые глаза сверкнули недовольно.

— Лина ты с сигаретой? Мне нервничать? Почему не Федя этим занимается?

Девушка выдохнула и улыбнулась.

— Мы оба с тобой знаем, что вы немного потеряли на меня влияние Ди. Федя не сможет передать разовый код. Как только его назовешь часть памяти сотрется, ты же знаешь. А

мне нужно чтоб он всё запомнил… на всякий случай.

Мужчина прищурился.

— Меня больше устраивало, что ты дома сидишь. Но … я так понимаю ты звонишь не как сестра, а как начальник? И выбора у меня нет?

— Выбор у тебя есть. Но я бы хотела минимизировать количество присутствующих в этой затее. А за сигарету не волнуйся. Ты ж знаешь это разовая акция. И она к тому же без никотиновая, с успокоительными травами. Поможешь?

— Да.

— Я выехала из центра, сижу тут на дороге. Прям сейчас звони в Корпус. Отключаюсь и жду.

Мужчина кивнул и отключился.

Наступила тишина. Даже птицы не пели. Прохладный воздух и сумрак легко сбивали с толку о времени суток и времени года. В этой части света белые ночи обычное дело.

На запястье появился входящий звонок.

— Ответить.

Безжизненный голос оповестил:

— Вызов через безопасный портал. Фаза ноль. Связь ограничена — запрет на видео и аудио запись, если вы не являетесь членом Корпуса Теней и вызов поступает ошибочно отключитесь самостоятельно во избежание последствий для Вас и Вашей семьи.

— Фаза один.

Голос все так же безжизненно ответил:

— Переключаю на безопасный канал.

— Лекса?

— Да. Здравствуй. Мне нужна помощь. Ты знаешь я бы никогда не обратилась просто так.

Мужской голос задумчиво затих.

— Передай мне запись что ты хочешь сделать и что нужно.

— Нет. Я не хочу никого посвящать в это. Это Моё решение. Я несу ответственность сама.

— Ты несешь ответственность и перед корпусом. Что с Черным?

— Это для того, чтобы привести его в чувство. Мне нужно оборудование. Я могла бы вообще не просить у тебя и не ставить в известность. Но я хочу, чтоб Ты помог. Мне нужна быстрая и качественная продукция. Экспериментальное и новейшее.

Мужской голос замолчал. Повисла гнетущая тишина.

— Хорошо. Что нужно и куда?

— Я передам данные через канал. Ассистента запусти пожалуйста.

На запястье появилось новое табло с текстовым меню — принять запрос?

Нажала принять.

Следующее — Ваш ассистент устарел, обновить?

Нажала обновить.

Следующее — Установить голосовой интуитивный обмен информацией?

Установить.

Скачивание… установка…

В голове зазвучал электронный голос —

Ассистент установлен. УЛУ обновлен. Голосовое управление низкой, или высокой тональности?

— Ближе к моему голосу сделай.

Принято. Вы хотите скрытное отражение табло?

— Да.

Что требуется сейчас от меня?

— Передать данные по оборудованию из разговора с Дьяком 10 минут назад. Сделай выжимку и покажи.

Загружаю. Отрывок сорок секунд. Перед отправкой проиграть?

— Да.

Вывести визуальное табло, или скрытое?

— Скрытое.

Перед девушкой появилось окно записи разговора с братом. По тексту только отрывок про оборудование.

— Я же просила скрытое, а ты визуал вывел.

Нет, это современная проекция. Ее видите только вы. При этом на сетчатке ничего не бликует.

— Хорошая функция.

Спасибо я учусь и стараюсь. Данные передать в подключенный канал или ассистенту оппонента?

— Ассистенту.

Выполнено! Еще что-то?

— Нет. Всё.

Ухожу в спящий режим.

— Что Ты задумала? Это довольно интересный запрос на оборудование. У тебя хватит ресурса подключить синхронизатор? Мы делаем это только в Корпусе. В Секторах нет таких мощностей для работы искусственного интеллекта при выгрузке.

— У меня всё есть. Просто помоги с оборудованием и не вмешивайся, как и раньше.

Мужчина замолчал. Повисла тишина.

— Хорошо. Сегодня к вечеру всё доставят под купол в медцентр. Обещай быть аккуратной. Хоть раз просто обещай и выполни. Может мне приехать?

— Не надо. Я буду аккуратна. Это в моих интересах.

— Я подключил Дьяку нового ассистента. Память будет блокироваться более мягко и выборочно. Он будет помнить, что передал информацию, но о чем, кому и конкретно когда будет искажено. Твой ассистент будет иметь доступ. И может работать в автономии. У него прямой канал к Центру. Пожалуйста, если вдруг что-то не так сообщи. И прекрати игнорировать эту функцию, синхронизируй её со старой версией и она поможет тебе.

— Хорошо. Спасибо. Конец связи.

Девушка подошла к автомобилю. Огляделась еще раз.

— Отмена режима защиты.

Маленькие прозрачные диски прилипли к одежде и ста-

ли почти незаметны. Девушка села в машину и на такой же высокой скорости под громкую музыку помчала в обратную сторону.

На парковке было так же пустынно и тихо. Она спокойно прошла в палату к мужу. Он бездвижно спал. Датчики переливались показателями. В дальнем углу на полу сидел Фёдор. Он подтянул ноги и облокотился на коленки. Рядом стоял наполненный бокал с прозрачной жидкостью.

Девушка села в кресло и подтянула, скрестив ноги. Кивнула на бокал.

— Спирт?

Мужчина улыбнулся, не поднимая головы.

— Вода. Я понял, что вышел из возраста употребления спирта.

— Я думала ты с Виком и Тиньк будете решать, как отговорить меня.

Мужчина поднял голову и посмотрел прямо в глаза.

— А есть хоть малейший шанс?

— Нет.

— Ну и смысл тогда тратить ресурс. Я слишком давно знаком с тобой. Дольше чем ты с ним кстати, — мужчина кивнул в сторону кровати.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя как самого родного, правда?

Мужчина опустил голову и покачал.

— Я тебя тоже. Мы все. Какая в этом роль для меня?

Девушка встала с кресла. Села рядом на полу и облокотилась плечом к плечу.

— Я внесу в твою память то, что никто не знает, но должен будет знать. И код на восстановление блокированных фрагментов. От тебя будет нужно просто осмыслить эти данные и передать дальше… Федя. Со мной всё будет хорошо.

— Мы оба знаем, что это не так. Попрощайся с детьми.

— Нет, Федя. Я ни с кем не буду прощаться. Всё будет хорошо.

Открылась дверь. Вик выглядел удивленно и взбудоражено.

— Оборудование привезли! Да какое! Мы будем готовы к утру!

И убежал.

Двое переглянулись и улыбнулись.

— Как ребенок правда? Ребенок, получивший долгожданную игрушку.

Утро было пасмурным. На улице шел непрерывный дождь. Небо, низко нависало и лишь изредка проглядывались серо-белые жилы в темных сгустках мраморной небесной пустоты.

Девушка сидела под навесом, закутанная в толстый плед. Рядом стояла полупустая чашка с остывшим кофе. Она задумчиво курила и смотрела в лужу.

— А мы ищем тебя.

Алина даже глазом не моргнула. Выдохнула дым и подкурила новую сигарету.

— Люблю дождь. Он мне наш дом напоминает. Помнишь его?

Федор сел рядом.

— Не люблю, когда ты куришь. Даже безопасные сигареты. И думаю, наши воспоминания разнятся. Это ты любишь всякие мелочи, а мы люди земные. Мы разучились мечтать давным — давно. Наверно поэтому мы тебя все так и приняли тогда в детстве, ты делала наш мир ярким. А дождь… никогда не понимал твоей страсти к стихии. Бррр… мокро… сыро… помнишь, как у соседей крышу снесло и тополя поломало? Мы все были в ужасе, а ты довольная сидела возле погреба под навесом. Я еще тогда понял, насколько ты сумасшедшая. Вы с Рыжим по лужам бегали, а мы думали, как

крышу залатать и побитые окна восстановить.

— А теперь мы забыли кто такие Хмурый и Аля, и стали взрослыми скучными Фёдором и Лексой. А дождь — вот всё тот же… Я не курю, я размышляю. Не бери в голову пожалуйста.

— Пойдем. У Вика всё готово, они тебя ждут.

Девушка кивнула. Выбросила сигарету. Еще раз посмотрела вокруг и быстро ушла внутрь здания. Мужчина выдохнул и пошел следом.

В палате рядом с кроватью стояла медицинская капсула из прозрачного материала. Над лежащим мужчиной был установлен прозрачный щит, на нем светились показания в виде диаграмм. На голове мужчины располагались еле заметные металлические бусины по лбу, висках и скрывались в заметно отросших волосах.

Лина молча села в капсулу, взяла коробочку и стала крепить бусины.

Вик удивленно замер:

— Вы… ты… уже делала это раньше? Но это же экспериментальная разработка!

Девушка посмотрела ему прям в глаза.

— Вик, тебя сейчас только ЭТО волнует?!

Федя молча положил ей руку на плечо, встал между ними и легонько надавил, чтоб она облокотилась на спинку кресла и легла.

— Выдохни. Он просто удивлен. Это НОРМАЛЬНО.

Девушка закрыла глаза. Кивнула. Откинулась в кресле.

— Вик ты его подключил полностью? По его части всё готово?

Вик кивнул.

— Ты получил рекомендации по процедуре?

— Да, но я ни-че-го не понял.

Лина потянула прозрачный щит на себя.

— Всё будет делать мой ассистент. Ты в процессе поймешь, что от тебя требуется. Он подключится к нашим мониторам. Транслировать оповещения он будет тебе на сетчатку, чтобы никто кроме допущенных не имел возможности влезть в процесс. Останавливать процесс можно только с его разрешения… иначе Вы потеряете оба сознания. Всё понятно?

Врач кивнул и стал перебирать пальцы. У Феди заходили скулы, он почти открыл рот чтоб что-то сказать, но девушка подняла кисть и сделала жест молчать. Она закрыла глаза и вслух сказала:

— Управление на ассистента, контрольная точка ноль.

Над бусинами появилась опоясывающая голову проекция. На щитах побежали данные.

— Вик я ассистент Алины. Вы меня хорошо слышите?

Мужчина подпрыгнул на месте.

— Ддда.

— Не нужно повторять всё вслух, если Вы не один. Как Вам удобно будет называть меня при обращении?

Врач кивнул и аккуратно подумал в ответ: «Я все понял. Удобно будет звать Асси. По принадлежности».

— Принято. Вик я синхронизируюсь с твоим блоком памяти и архивации. Это для того, чтобы Я мог всегда быть с тобой на связи. Удобно чтоб я стал женского гендера? Это по умолчанию при работе с мужчинами.

— Хорошо, Асси.

— Тогда начинаем! Они уже в одном хранилище.

Лина открыла глаза. Вокруг всё было белое. Не было потолка, пола, стен. Просто белый поток.

— Ассистент, синхронизация успешна?

— Да Лина. Мы в потоке. Хранилище загружено.

— Задай начальную точку, и я пошла.

— Точка задана. Его воспоминания разбросаны начиная с десяти лет. Ты готова?

— Да.

— Найди его в потоке. Тебе нужно держать его за руку, чтоб его сознание ставило временные точки континуума и подтягивало раздробленные воспоминания.

— Хорошо. Пошла искать.

— Хорошего дня Лина.

— Убавь юмор ассистент. Мне бы тут не сдохнуть.

— Как скажешь. Но я думала мы в одной лодке.

— Ага. На Титанике…

Перед девушкой возникла дорога. Гравийное полотно, местами было размокшее и с лужами, что очень контрастировало с белым окружением. Издали стало медленно приближаться цветное пятно. Рядом с ним сидел мальчик.

Девушка присела рядом. Мальчик поднял на нее большие глаза. Карие. Голова была местами с проплешинами. Губа разбита. Под глазом красовался ярко сине-фиолетовый си-

няк. Костяшки пальцев рук кровили. Мальчик нахмурился и осмотрелся.

— Ты кто и откуда?

— Я твой друг. Как тебя зовут?

— Меня зовут заморыш… но думаю больше они так меня звать не будут! Я их всех побил!

Девушка протянула руку к мальчику, но он отскочил.

— Ты что делаешь?! Что ты хотела… Тётя?!

Девушка села на дорогу.

— Меня зовут Алина. Для друзей Лина. А вообще у меня очень много имен. У тебя я думаю тоже есть что-то лучше… заморыша… я просто хотела поправить волосы на лице, не бойся.

Мальчик расправил плечи и нахмурился.

— Кто боится то?! Ты бы за словами то следила! Я тебе не малолетка!

Лина улыбнулась.

— Прости меня пожалуйста. Я же только знакомлюсь с тобой. Сколько их было?

Глаза мальчишки начали светится.

— Их было пятеро! Я их всех уложил! А они вАщетА были из группы на две категории старше. А это, между прочим, пять лет. А мне только восемь. Но я уже победитель в яме. И собакам меня больше не бросают.

На глазах девушки появились слезы.

Мальчик, глядя на нее смутился и подошел вплотную.

— Вот баааабы. Ты чего реветь собралась? Из-за меня что ли?

Он сел рядом и маленькими ладошками взял ее лицо в своё. Его карие глаза посветлели и стали янтарными, с зелеными крапинками.

Слезы побежали еще сильнее.

— Ну не рееевиии, ну че Ты, блин? Я вот не реву же. Смотри. Глаз у меня уже зажил почти. И руки… ну просто помыть нужно. Тут большая часть не моя кровь, не переживай. И волосы… ну волосы придется остричь. Меня и поймали из-за них старшаки, длинные на их взгляд. А Я хотел прическу. Ну сколько можно ходить блестеть на морозе?! Ну скажи, а?

Лина кивнула и улыбнулась. Синяк с глаза мальчишки пропал.

— Ты очень красивая, когда улыбаешься. Жаль старая для меня. Но красивая. Особенно глаза. Улыбайся мне еще.

Девушка еще раз кивнула.

— И все-таки, у тебя же есть еще имя? Ну нельзя такого красавчика называть заморышем.

Мальчишка улыбнулся во весь рот. Исчезли проплешины и рассечение с губы.

— Когда-то давно меня называла кухарка Симка Сашкой.

Девушка кивнула.

— Ну если нравится тебе, то пусть будет Сашка.

Мальчик сел почти вплотную и положил свою ладошку на

согнутые ноги девушки.

— А как еще можно называть?

— Ну Сашка — это значит, что твое полное имя Александр. Значит можно Алекс, Александр… или вообще придумать новое для нас двоих. Я никому не скажу. Это только нам с тобой.

— А тебе можно верить?

Девушка наклонилась к лицу мальчика и шепотом сказала:

— Хочешь я поклянусь?

Мальчик кивнул.

— Да. На крови. Не боишься?

Лина сделала максимально серьезное лицо и протянула руку ладошкой вверх.

— Я с тобой ничего не боюсь. Но ты мне тоже пообещай кое-что взамен.

Мальчик задумался.

— Если это не больно, то обещаю.

Девушка кивнула.

Мальчик достал нож из заднего кармана и резко и аккуратно чирканул по женской ладошке, потом повторил на своей. Затем сжал кулак и накапал на землю, тоже самое попросил сделать и её. Лужица стала больше. Кровь смешалась. Мальчик оторвал от футболки кусочек и завязал женскую ладошку. Девушка повторила все тоже самое для него.

После этого он выдохнул и расслабился.

— Говори что хотела.

— Я возьму тебя за руку, и мы вместе будем смотреть кино. Но отпускать меня нельзя.

Брови мальчика приподнялись. Он широко усмехнулся.

— Всего-то? Я уж подумал на запчасти что-то надо.

— Не совсем поняла про что ты.

— Ну к нам часто приезжают и увозят куда-то… возвращаются не все, а кто приезжает у него не хватает чего-нибудь… НА и В теле… вот друга моего лучшего вернули без глаз. Его собаки потом в яме задрали. Ну оно-то понятно, без глаз-то сложно драться… Ты опять мокроту собралась разводить? Какая-то ты слабая и плакса. Наверно, потому что баааба. Хотя кухарка не ревет. Она знаешь, как по башке ложкой лупит? А охранников метлой гоняет. А один раз собака сбежала и на кухню пробралась на нее напасть хотела. Так Симка ей шею свернула. Правда потом ей руки шили, но она билась страшно. После этого её даже сторож Халк бояться и уважать стал. И обходить стороной. Так что просто фильм смотреть и за руку держаться это можно, только не говори никому потом что я с бабой за руку держался. Засмеют.

Лина кивнула и протянула руку мальчику. Он сел вплотную и взял её руку сам. Потом притулился боком и обнял.

— Тогда начнем?

Мальчик кивнул.

— Ассистент мы готовы. Начинаем. Откорректируй воз-

раст, ему восемь.

— Подтверждаю. Но это самая устойчивая точка, попробуем с неё. Точка один!

Девочка с русыми волосами и короткой стрижкой сидела в темной комнате. Из-за стены доносились крики. Слезы просто капали. Общая мысль была такова — что теперь дом тут. Мамы и папы больше нет. Дед Афоня громко ругался с матерью прежде, чем дал ей наотмашь подзатыльник. Отец просто молча стоял с опущенной головой и ничего не делал. Он просто сказал, что так делать больше не позволит. Помог матери встать и вышел вместе с ней из комнаты. Мать причитала… странное слово показалось девочке. Дед сказал: «Хватит причитать блаженная, Ты свой выбор сделала уже давно». Она плакала и скулила, как собака соседская, когда ей хозяйский сын пинка дал. Жалобно и тоненько.

А потом она вырвалась из рук отца и побежала к девочке. И на минуту мелькнула мысль — Я нужна ей! Меня заберут!

Но дед встал между ними. А сзади отец схватил её и потащил с собой. Афоня поднял своими ручищами маленькую девочку подмышки. Поднял на уровень глаз и грубо громко сказал:

— Не ной! Ныть нельзя! Пусть идет. Марфа придет пироги напечете, с бандитами нашими дружить будешь. В школу пойдешь. А отпустить тебя с ними не могу! Я обещал! Поняла меня?

Девочка кивнула и шмыгнула носом. Что-то неведомое было не так, а что детский мозг не способен был осознать.

Дед аккуратно занес ребенка в комнату, посадил на матрас и запер дверь. Света в доме не было. Поэтому в комнате было темно и сыро. Окно, заколоченное досками, пропускало немного света. Сырость быстро вползла под тулуп и заставила забыть про слезы. Девочка пошла по комнате в поисках чего-то чем можно укрыться. Дед с бабкой никогда не брали ее в свой дом раньше. У них был приют, поэтому мать не разрешала ходить к ним. Марфа и Афанасий сами приходили. Марфа всегда ругалась на мать, что та не занимается ребенком, что нельзя стричь девочке волосы коротко, что учеба важна, но домашнее тепло нужнее, про уборку, про одежду, про всё, но никогда не обижала девочку. Афанасий в ссорах с матерью переходил на крики постоянно. Ему не нравилось, что мать постоянно плачет, что она не самостоятельная, что рано стала женой и не занимается ребенком, но он никогда не обижал девочку. Он приходил рано утром в выходные и забирал её за поселение к озерам на заброшки. Они там собирали соцветия для Марфы, ловили и отпускали лягушек, смотрели за кузнечиками, даже из рогатки стреляли. Дед учил девочку плавать, охотиться, и просто быть ребенком. А потом наступала неделя и мать отводила её в интернат для девочек…

В интернат принимали с двух лет. С понедельника по пятницу… а некоторые месяцами, до каникул, жили там. Пра-

вила были простые до безобразия — не попадай под руку воспитателю и всё будет хорошо. Учи уроки. Выполняй задания. Не шуми. Не пачкайся. И самое главное — оплата родителями! Пансионаты-интернаты считались самым дорогим мероприятием. Но давали гарантию поступления в школу… чаще в такой же пансион, только для старших детей… и круг замыкался.

Мать часто не приходила по выходным. А дед с бабкой всегда. Они приносили пироги и конфеты. И эти два дня были самыми лучшими. Даже крики деда на мать не могли помешать этому. Бабка готовила и уходила в свой дом, как она говорила — «к балбесам», а дед уходил к ночи. Отца девочка почти не видела. Он приходил с работы, молча трепал её по волосам, вешал пиджак, или пальто в коридоре и уходил в кабинет. Там, за закрытыми дверьми у камина, он занимался важными делами, чтоб у них было будущее. Девочка не понимала про что это. Она просто знала, что этот высокий молчаливый мужчина её отец и всё. Его любовь заключалась в подарках на день рождения. Она всегда получала то, что просила у него. У неё была супердорогая кукла, очень редкая посуда и кукольный дом, коляска для куклы, большая кровать как у принцессы на подиуме и с гардинами. Он лишь одного не мог выполнить — провести день с девочкой. А както она услышала, лишь однажды, когда он долго пил что-то темного цвета из бутылки и потом кричал на маму, как он отрывисто сказал — это разочарование… я не могу смотреть

на неё… я постоянно вижу её… это вина…

Девочка тогда молча на носочках ушла в свою красивую комнату, залезла в свою красивую кровать, под красивое одеяло за красивые гардины… и долго плакала… пока сон не сморил. А утром она тихонечко оделась и ушла в пансионат… сама. Следующий год она отказывалась на выходные ходить домой. Говорила, что у нее тут друзья и ей весело с ними. На занятиях была лучшей. Но отец не приходил. Мать приходила раз в месяц на пару часов, рассказывала, что много дел и что девочка молодец, что такая умная и они ею гордятся. А потом отводила взгляд и уходила… Домой не звала… Но девочка видела, как мама стряхнула с себя усталость и какой-то невидимый детским глазам груз. На голове мамы всегда была красивая прическа, на лице появился макияж, полушубок сменило пальто, а зимой и вообще шуба, красивые шляпы и береты. Раз в месяц учителя приносили коробки с «выходными» вещами для девочки и хвалили её и успешность родителей. Детские ватники и грубые шерстяные вещи были заменены на более девичье и аккуратное. К основным предметам добавились уроки этикета и женского умения. Девочка не понимала зачем ей в четыре года — это нужно, но упорно старалась быть лучшей.

Так в свои маленькие годы девочка стала одинока.

А потом её среди ночи грубо разбудил ночной воспитатель. Кинула в нее вещевой мешок, вывалила все из её тумбочки и сказала, что ребенку предателя тут не место. Де-

вочка не понимала, что происходит, но после второго подзатыльника перестала спрашивать в чем её вина и куда ее ведут и просто молча плакала. За дверью пансионата её ждала Марфа. Она улыбнулась лишь на секунду, а потом выхватила из-под куртки ружьё и выстрелила по табличке над воспитателем.

— Если я на ней найду хоть один синяк, от вашей богодельни ни одного камня не останется! Я клянусь тебе!

Воспитательница быстро спряталась за дверьми.

Девочка даже плакать перестала. Марфа подтолкнула малышку к выходу, там стоял Афоня и курил трубку.

— Шумная ты Марочка. Ребенка вон напугала.

Марфа открыла дверь машины и подсадила девочку. Сама села спереди за руль, дождалась мужа и поехала.

Так в первый в жизни раз девочка приехала в дом к бабушке и дедушке. Дальше была громкая истерика матери, молчаливый, осунувшийся отец и эта темная комната. Мир рухнул снова…

…В углу девочка нашла стопку одеял. Завернулась в одно и села рядом с остальными. Так было теплее. За окном пошел дождь. Порывы ветра били в окно и вскоре пленка на окне сбоку отошла от крепления и стала требыхаться. Через щель проникал ледяной мокрый ветер, дождь тёк по подоконнику и стене.

В комнате стало черным черно. Девочка стала переносить стопку одеял от бегущего из окна ручейка. Посреди комна-

ты образовалась бесформенная груда. От усилий стало тепло. Девочка подошла к окну и стала смотреть сквозь щель на улицу. Только сейчас она увидела большие массивные деревья, которые гнулись под натиском стихии. На черно-синем небе мелькали молнии. Гром гремел не переставая. Но почему-то стало не страшно. Девочка аккуратно потянула одну из досок, чтоб открыть обзор, и та легко отодвинулась на внутренних петлях. Оказалось, что ставни не забиты, а на подвижных шарнирах. Пленка, не прикрытая доской, отошла еще выше, открыв почти половину окна. Девочка смотрела широко, распахнув глаза. Стихия вступала в свои владения. Девочка никогда не видела за свою короткую жизнь этого. В пансионате и доме родителей на эти случаи всегда спускались в убежище. Там не было окон и дверей, громко ставили классическую музыку для фона, и все тихонечко ждали разрешения выйти наружу. А после бури приезжали бригады и наводили порядок во дворе, и устраняли поломки. Поэтому стихия захватила все чувства и эмоции маленького хрупкого существа. Хотелось плакать и смеяться одновременно. Пленка повисла на нижней планке. Ветер с дождем хлестал в лицо. Пальчики озябли и побелели. Девочка взяла самое плотное одеяло, выбралась из окна и осмотрела двор. Недалеко от дома из-под земли торчал угольник. Крыша уходила в землю. Туда девочка и побежала через весь двор, волоча одеяло по мокрой земле. Она прошла под навес и поняла, что мокрая почти насквозь. Редко весной приходили дожде-

вые бури, но они были самые суровые и уничтожали посевы, разрушали дома и следующими заморозками убивали молодые деревья.

Девочка замоталась в одеяло и села чуть глубже в навес. Гул стихии нарастал. Где-то вдали были слышны чьи-то крики. А потом пошел град. Крупный, больше, чем её маленький кулачок. Он бился о навес, падал вокруг по двору. В этой пелене она увидела что-то шевелящееся. Ударила молния и осветила большой тюк с ногами. Девочка распахнула глаза с перепугу. Тюк быстро приближался к навесу. И вот он уже нависает. Девочка перестала дышать и сжала возле рта одеяло.

Тюк упал, и она увидела худого, высокого лохматого мальчишку. Он подмигнул и улыбнулся. Сел рядом на тюк, который оказался ватным тулупом и громко спросил:

— Ты наша сестра? Дед тебя ищет, Бабуля сказала отлупит, плачет, что не увидит тебя больше. А я еле заметил, что не все следы волочения смыло. И побежал по ним. Вот и ты тут.

Девочка смотрела на его худое чумазое лицо и не могла понять, о чем он.

— Сссесссстра?

Мальчик обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Сестра! А я Рыжик. Ну вообще я Пашка, но все меня Рыжиком зовут. Это сейчас не видно почему, а вот солнышко выйдет и увидишь! Ты не бойся. Всё будет хорошо! У ме-

ня мамки с папкой тоже нет. Но по сравнению с жизнью на улице тут рай вообще. Правда Афоня может наподдать, но только за дело. И у Марфы не таскай ничего с кухни. Полотенчиком по жопе надаёт. Иди давай под мой тулуп, он не промокаемый, а то дрожишь вся. Мне проблемы не нужны, что я тебя нашел и заморозил. Болеть плохо… от этого умереть можно…

Мальчик что-то рассказывал. Про других жителей, про быт, про школу, как они вместе играть будут, как он защищать будет сестру новую.

Вокруг бушевала буря.

Где-то сломалось с шумом и грохотом дерево и рухнуло на сарай, разбив его в щепки. Но девочка ничего вокруг не слышала и не видела кроме это теплого мальчишки, чьи глаза светились солнцем и слов, которые повторял её мозг — СЕСТРА!

Она больше не одинокое разочарование. У нее появилась семья!

А потом прошла гроза. Дед трепал за шиворот их обоих — и Пашку, и Девочку. Рядом бегало еще трое мальчиков и всячески отвлекали Марфу с полотенцем, вид которой обещал не только трёпку.

Потом была долгая уборка в большом дворе. Стройка разбитого сарая. Стройка дополнительной комнаты для девочки. Знакомство с хмурыми братьями-бандитами-балбесами и целых семь лет беззаботного детства.

Марфа умерла в последний день лета на исходе этого периода…

Просто не проснулась утром…

Афоня просидел возле нее три дня. Он просто сидел на полу и держал её холодную руку, что-то рассказывая ей. Он много плакал, потом ругался и кричал, потом опять ругался и снова плакал. Через три дня он вышел из комнаты, умылся, вызвал похоронников, чтоб засвидетельствовали смерть, и ушел заниматься своими текущими делами.

После похорон, через неделю после начала учебного года девочка шла домой со своими братьями. Теперь их было много. Рыжик всегда сопровождал её и защищал от старших братьев. Он был худой и высокий. Лицо, вытянутое, со множеством канапушек. Волосы, когда не выгорали на солнце, имели ярко-огненный цвет. Но характер у Пашки был спокойным. Он никогда не повышал голос на девочку. Рыжик был самым младшим бандитом и самое долго жил у Афони. Тот забрал его с улицы, когда мальчик попался на воровстве и ему чуть не отрубили руку. Дед выкупил его у банды и оставил у себя. Дальше по возрасту был Дьяк. Его настоящего имени по документам установлено не было — кто-то говорил Денис, кто-то Димитрий, Дион. Его Афанасий подобрал при церковном приходе, отсюда и появилось прозвище Дьякон — Дьяк. Он был жилистым и тоже высоким. Долгое время провел на улице и лишь чудом не попал в банды. Он стал вторым по старшинству для девочки братом. Но

его быстрое взросление было ниже его достоинства участвовать в её шалостях, и поэтому чаще он просто защищал их от шлепков и покрывал. Он просто находился рядом. Наблюдал со стороны. Мальчик был ловким и агрессивным к большинству окружающих людей, за что постоянно получал затрещины. Старшими братьями, которые оставались жить с Афоней и не ушли по пансионатам и приёмным семьям были Мух и Фёдор. Одинаковые по возрасту, они были совершенно разными по характеру и внешности. Мух при всем своем спокойствии часто отвешивал поджопники и подзатыльники младшим в воспитательных целях. Он легко манипулировал любой ситуацией и способен был из любой своей вины сделать выигрыш. Не высокого роста, темные волосы и жилистое телосложение заканчивало эту картину. Федя ему в противовес никогда не проявлял агрессивность к младшим. Его спокойствию могла позавидовать даже черепаха. Почти все годы живя у Афони он просто был старшим помощником по хозяйству. Он что-то мастерил, не отказывался смотреть за младшими, обучал их тому, что сам умел. Он попал к Афоне уже к 8 годам, похоронив младших родных братьев и сестру от голода, когда их мать вывезла от своего поселка и выкинула прям на окраине леса. Федя почти год пытался наниматься на мелкие работы за еду, но это не спасло болеющую малышку и слабых братьев. Дед случайно наткнулся на само построенную хижину на краю леса и могилками за ней. Внутри он нашел полуживого мальчика и без размышлений

забрал с собой. Высокий черноволосый парень долго лежал в лихорадке и, казалось, противился выздоровлению. А потом заболел Рыжик и почти не умер. Федя быстро занялся выхаживанием даже не смотря на свою слабость. В его черных глазах появилась жизнь. И всю свою силу он вкладывал в то, чтобы выходить хотя бы этого мальчика, который носил ему еду. Так они и стали семьей.

Когда в доме появилась девочка парни были смущены. Все кроме Рыжика и Феди никогда не имели младших сестер поэтому относились с осторожностью к худенькой девочке. Но за полгода совместной жизни она покорила сердца всех. Даже Мух, ругаясь на нее старался не распускать руки. Да и это единственное, что могло вывести Федю из себя и привести к драке. Но время прошло… и принесло с собой новые потери…

Девочка громко рассказывала, чему учили в школе и что ей тут больше нравится, чем в пансионате — интернате. На уроках было весело. У нее появились подружки, с которыми она мастерила куклы и училась плести косы. Они вместе прыгали через костры и плели венки летом. В классе она была самой умной. Общие предметы давались с легкостью. Но к обычной зубрежке добавились выходы на природу и лабораторные опыты. Всегда с ней рядом в отдалении был кто-то из братьев. Многие девочки хотели с ней дружить, чтоб быть ближе к юношам. Много кто смеялся, что у Марфы с Афоней дети проходят подбор на конкурсах красоты…

…Она запнулась на полуслове, когда увидела большую черную машину возле дома на белых номерах. Издали она видела невысокую женщину в белом костюме и высокого мужчину в удлиненном пиджаке рядом с дедом.

Отчего-то в голове пронеслись печаль и страх. Мальчишки тоже остановились, Макс присвистнул.

— Ни фига себе какие гости. Это же кто-то из Сектора. Номера белые. За каким чертом их занесло сюда интересно.

Девочка опустила голову. Потом глубоко вздохнула. Выпрямила плечи, подтянула ленту на отросших волосах:

— Это мои родители.

Парни одновременно обернулись на нее.

— Ты сирота при живых родителях?! Да еще таких богатых?!

Девочка кивнула.

— Отец бежал после каких-то проблем на работе. Мама уехала с ним. Меня они не хотели брать с собой и почти год, может два отец был в длительных командировках прежде, чем забрать и её. Ну, а Дед забрал меня.

Парни переглянулись:

— Так ты и правда его внучка? Афони?

Девочка опять кивнула. Снова вздохнула и пошла большим шагом в сторону дома.

По мере приближения она осознала, что очень соскучилась, и маленькая частичка надежды еще теплилась, что сейчас её заберут к себе и все изменится.

Мама увидела дочку первая, расставила широко руки и улыбнулась.

Девочка сдерживалась, как могла, чтоб не кинуться на женщину. Она подошла ближе, остановилась в шаге, улыбнулась и спокойно произнесла:

— Добрый день родители!

Мать сложила руки на груди. Потом аккуратно погладила дочь по голове и поцеловала в лоб. Сделала шаг назад. Отец обернулся на голос и пристально осмотрел ребенка.

Девочка рассматривала в ответ. Ей показалось отец стал еще выше. Короткую стрижку он сменил на более длинную шапочку, лохматый чуб придавал ему какой-то моложавости и беззаботности. Ярко голубые глаза с интересом улавливали изменения.

Отец присел и протянул руки к дочке. Он ей улыбался!

— Иди обниму тебя, маленький бандит. Я смотрю тебе идет на пользу свободная жизнь и дед был прав.

Повторять дважды не нужно было и через секунду девочка висела на шее мужчины.

Он поцеловал её в висок. Погладил по волосам. Потом аккуратно отстранил и повернулся к деду.

— Афоня ты понимаешь, что сейчас я не могу её тут оставлять? Не без Марфы. Я вижу, что тут ей хорошо. Но я видел сводные оценки, она тут расслабится. И я рад, что ей нравится её новая семья, но её будущее не связано с этим местом мы все это знали.

Дед молчал. Мальчики тоже молча встали рядом. Девочка стояла неподвижно.

Спустя долгих пять минут. Дед кивнул и пожал руку отцу.

— При условии, что Ты дашь ей выбор через три месяца и не сдашь опять в интернат.

Отец кивнул.

— Я не враг своему ребенку чтобы ты про меня не думал. Алина садись в машину, вещи собирать не нужно.

Девочка не заметила, как потекли слезы. Слезы радости и горя одновременно. Она развернулась и бросилась обнимать мальчишек. Всех сразу. Они в ответ успокаивали её и говорили, что теперь все наладится и пусть не переживает, потому что они все будут ездить к ней в гости. И она к ним на каникулы.

Отец, дед и мать, молча смотрели на эту картину. Никто из них не нашел в себе силы сказать, что в гости никто не сможет приехать к ней. Да и она вряд ли сможет выбраться.

Через пять минут мальчики сами отвели девочку к машине и отошли. Дед стоически улыбался и махал. Мать сидела в машине молча. Отец сел в машину последним. Перед этим он с дедом отошли в сторону. Мужчина что-то долго говорил ему, дед смотрел на девочку и кивал. В конце мужчины пожали руки. Обнялись. Дед похлопал отца по спине и отошел.

Так и закончилось самое короткое детство в мире. Как только машина отъехала мама стала перечислять, что нужно купить все к школе, надо отправить к медику для заживле-

ния сбитых коленок, чтоб не остались дефекты, что нужно выровнять изменившуюся походку на более женскую и плавную, выбросить ту одежду, которая на ней, и закончила тем, что остричь отросший мышиный хвостик.

Отец молчал ровно до момента хвостика.

— Лина Ты как хочешь?

Дочка посмотрела в зеркало и твердо сказала:

— Я хочу косу. Все девочки в поселении с косами и прическами. Только вшистые и уличные с короткими.

Отец кивнул.

— Я тоже считаю, что так ей идет больше. Волосы Ты трогать не будешь.

Мать вздохнула.

— Ну раз Вы так решили. Ладно. С пансионатом сам разбирайся.

Глаза дочери распахнулись. Разом рухнули все фантазии.

Пансионат.

Её опять сдадут как ненужную. Слезы выступили сами по себе и потекли по щекам.

Девочка поджала губы и смахнула ручейки со щек.

Отец молча наблюдал за дочерью в зеркало и молчал.

Через три часа дороги семья пересела в самолет и после четырех часов полета снова пересели на машину. Лина смотрела по сторонам с интересом на меняющейся пейзаж.

Через некоторое время девочка увидела проекцию на руке отца. Над дорогой проявились еле заметные очертания

ворот. Проекция на руке исчезла, а на дороге расползлись очертания въезда. Машина помчала дальше. Пустынные дороги с ровным асфальтом сменились светоотражающими мерцающими барьерами. Мерцание просматривалось и высоко в небе. За стеной и под куполом погода отличалась. Более теплый и влажный климат, больше зелени вдоль дорог. Дышать стало намного легче и это немного опьяняло.

— Как ты себя чувствуешь?

Девочка вышла из своего мирка на голос отца.

— Не могу надышаться.

Он кивнул.

— Если будет тошнить или закружится голова скажи.

Дочь кивнула.

Они подъехали к большому светлому зданию. Лина насчитала больше пяти этажей. По форме оно напоминало квадратную снежинку. С большими витражными окнами в пол и разными цветными панелями. Отец вышел сам и открыл дверь дочке. Мать осталась в машине.

Он взял её за руку и повел по тропинке:

— Это центр активации, проживающих в Секторе. Ты тут проведешь около месяца. Это немного больно, но не страшно. Тут тебе проведут полное обследование здоровья, снимут параметры и биометрию для базы и установят системы мониторинга. Вот смотри, как у меня и мамы. Без этих систем ты не имеешь право жить тут с нами, понимаешь? У тебя уже установлена система, но это было давно, она очень

сильно устарела.

Отец вытянул ладонь кверху и произнес:

— Диагностика системы.

Над ладошкой возникла проекция с параметрами и бегающими данными.

— Озвучить.

Проекция произнесла: «Системы в порядке. Добро пожаловать домой.»

Девочка распахнула удивленно глаза.

— Тебя научат тут всем пользоваться. Расскажут и покажут возможности жизни в Секторе. Связаться ты сможешь с нами в любой момент. Смотри.

Отец тронул ухо и произнес:

— Вызов на дисплей Жена.

Перед лицом появилась еле видимая для глаза девочки проекция. Отец развернулся так чтобы их лица были рядом и тогда она увидела цветное окно, на котором шел снег. Там возникло лицо матери в машине.

— Зачем ты звонишь?

— Показываю дочери зачем она тут и возможности.

Мать кивнула и отключилась.

— Обещаешь быть смелой, дочь?

Девочка кивнула.

— Тогда пошли.

В просторном холле их встретила девушка в светлом костюме. На лице были полуочки, которые прикрывали лишь

один глаз. Швы одежд отличались, но все были ярких цветов

Девушка открыто улыбалась. Она протянула руку ладошкой вверх к девочке и посмотрела на мужчину:

— Пакет «Новичок» для детей?

Мужчина перестал улыбаться.

— У нас пакет расширенных услуг. Новичок уже установлен.

Девушка распахнула глаза и перевела взгляд на девочку.

— Но ребенок еще даже не активирован… это займет больше времени и навыков, могут возникнуть дополнительные трудности адаптации.

От мужчины повеяло холодом:

— Пакет… расширенных… услуг! Ребенок активирован, но давно.

Девушка перепугано кивнула.

— Связь с системным помощником под родительским контролем матери?

— Нет. Ограниченный доступ матери — слежение, и полный мониторинг до совершеннолетия у меня. Правомочия вписаны в карте у дочери.

Девушка кивнула.

— Прощайся с отцом и пойдем. Некоторое время вы не увидитесь.

Девочка не стала проявлять эмоций. Она кивнула отцу и развернулась. Пора взрослеть решила она…

— Ассистент у нас есть изменения?

— Да. Собрано нейронных связей почти до 20 лет. Очень большой кусок травматических воспоминаний восстановлен полностью. Переношу в хранилище. Доступна синхронизация с ассистентом.

— Пока рано. В его памяти это появилось позже. В моей памяти заблокирован старый архив, его тоже доставать позже. Поэтому продолжаем.

…Девушка открыла глаза и вздрогнула. Очертания мальчика стали трансформироваться в молодого мужчину. Грязная одежда сменилась черными брюками, блестящими туфлями, черной рубашкой с расстёгнутыми верхними пуговицами, распахнутой жилеткой. Из ворота выглядывал кулон прямоугольной формы — черный камень, инкрустированный по диагонали россыпью мелких прозрачных камней на плетенном серебристым шнурке. На руке, которая держала её ладонь были надеты дорогие крупные часы с камнями, в петлицах рукавов запонки в виде черного креста с камнями. Стрижка короткая, с зачесанным чубом назад и парой выбившихся прядок на лице. Он смотрел на кисть девушки, которую держал. Потом аккуратно переместил пальцы на кольцо на безымянном пальце. Провел по нему. Поднял глаза и посмотрел прямо в лицо.

— Интересное кольцо. Я примерно такое задумал сделать фамильным.

Девушка не шевелилась и боялась дышать. Его глаза цвета расплавленного янтаря с вкраплениями зеленого и черного проникали прям в сердце. Его голос заставил и её саму вспомнить то, что давно было внутри похоронено жизнью.

— Это кольцо мне муж подарил. Оно и правда фамильное. Думаю, у тебя с ним много общего. Но мы дойдем до этого.

Ты помнишь меня?

Парень усмехнулся и сердце перестало биться. Девушку окатило волной эмоций, таких теплых и светлых, что она полностью растерялась.

Парень продолжил улыбаться. Но глаза его были изучающе — холодны.

— Я помню, что мы с тобой что-то ищем. И что эту маленькую ручку с фамильным кольцом нужно держать в своей руке. Даже если чей-то муж разобидится. Хотя… думаю если такая женщина в моих руках, то муж не стена, — и громко засмеялся.

Он наклонился к ней почти вплотную, глаза в глаза. Потом легко схватил одной рукой за талию и посадил к себе на колени.

— Думаю так будет легче не выпускать тебя из рук.

И снова громко раскатисто рассмеялся.

Девушка покачала головой, а в слух произнесла:

— Мальчишка. Я и забыла, какой ты был в этом возрасте. Ассистент! Дата определена?

— *Да.*

— Переноси в точку!

Девушка в сером клетчатом пальто стояла посреди заснеженного парка. Большой пушистый шарф и шапка скрывали большую часть лица. Крупные снежинки медленно кружились и падали на косу, уперто выбивающуюся из-под ворота.

Девушка немного поежилась от порыва ветра. Стряхнула с себя задумчивость и размашисто пошла на выход из парка. Объемные брюки трубы и полуботинки на тракторной подошве придавали грубость и без того не изящному виду девушки. По пути она перепрыгнула через разбитый забор и усмехнулась вслух:

— Видела бы меня маман я бы услышала нотацию, что нельзя делать девушке…

Рев моторов машин нарастал из переулка. Окружающие всматривались в сторону шума, а многие ускорили шаг и старались скрыться.

Во двор влетели несколько машин. Одна сильно вильнула после вхождения в поворот, её развернуло. Она споткнулась о что-то невидимое, подпрыгнула и полетела кувырком… в сторону девушки.

Оцепенение, удивление и страх настолько парализовали, что она застыла на месте. Машина влетела в разбитое ограждение прям возле ног. Она проехала последние метры на крыше. Вторая машина подъехала с визгом тормозов и оттуда фактически выпал мужчина в черном. У него была разбита бровь, из которой текла кровь, и он держался за плечо… рубашка была мокрая, и только через руку, зажимающую что-то можно было понять, что мокрая она была от крови.

Парень был ростом под два метра, широкоплечий. Соломенные короткие волосы и синие глаза. Под распахнутой жи-

леткой висел пистолет, на ноге пристегнут нож.

Он подошел к машине и присел. Громко отматерился и попробовал кого-то тащить. Его рост и размах плеч затруднял движения.

Девушка скинула оцепенение и кинулась помогать.

Она подвинула удивленного парня и села на колени рядом с ним прям в грязный снег. Пролезла в разбитое окно. На ремне вверх ногами висел парень. Зачесанные волосы хаотично свисали.

— Нажми там на красную кнопку сбоку кресла на ремне, и он отцепится. — громко крикнул большой парень сквозь зубы из-за спины, — Я не могу подлезть… я большой… и ранен… подтяни его из машины, а дальше я сам.

Девушка поискала глазами кнопку, но, чтобы нажать на нее ей пришлось почти всем телом пролезть в машину и лечь на спину. После нажатия парень рухнул на неё всем весом. Девушка резко выдохнула от неожиданности.

— Помогите мне, я теперь двинуться не могу, — проскулила она в пустоту.

В этот момент парень открыл глаза и приподнял голову.

Девушку обдало непонятным чувством. Тепло растеклось от макушки головы, спустилось вниз и хлынуло в лицо. На нее не мигая смотрели холодные янтарные глаза. Он пару минут фокусировался на ней. Переводил глаза с глаз на нос, губы и обратно. А потом вслух спросил низким, осипшим голосом:

— Ты кто блин такая?

Девушка часто заморгала.

— Я Лина.

И попыталась пожать плечами.

Парень закрыл глаза и шумно выдохнул. Потом положил голову ей на плечо.

Девушка увидела небольшую рану над виском, как будто аккуратный красный пробор.

Её потянули за ноги. На ней и за ней потянулся и второй парень из машины. Она застонала от боли. В поясницу впились железные конструкции машины.

— Не тяни! Больно!

Она зашипела как змея и пнула в воздух ногой. Нога уперлась во что-то и послышался опять отборный мат. Девушка аккуратно повернулась на бок и спихнула парня с себя. Затем как червяк стала выползать задом вперед и тянуть за собой парня насколько ей это удавалось. Выбравшись из машины и вытянув до половины парня, она оглянулась на того, кто обещал помочь. Парень аккуратно помог ей встать и вытащил второго полностью.

— Помоги оттащить его подальше!

Девушка кивнула и снова подошла ближе. Как только она наклонилась ко второму он опять открыл глаза и глянул прямо на нее. Во взгляде промелькнуло непонимание, потом сознание. Он обернулся.

— Лев, ты жив?

— Да Граф, держись. За нами уже едут.

Тот кивнул, одной рукой облокотился на первого парня, вторую руку девушка положила себе на плечи и обняла его сама со второй стороны. Парень опустил руку на талию и прижал её к себе в плотное кольцо. Потом усмехнулся, скривился, и громко сказал:

— Лев ты знаком с Линой? Или меня так сильно стукнуло, что глючит?

Лев громко засмеялся.

— Боже тебя даже на том свете ничего не изменит? Твоя машина влетела перед ней чуть не убив. Шевелись. Нам уйти нужно отсюда, хотя бы в парк за забор. Не думаю, что они оставят затею добить нас.

Второй парень кивнул. Потом повернулся на девушку и уже тише спросил:

— А девочку никто не учил что ли что черные номера на машине — надо обходить стороной?

Девушка фыркнула и усмехнулась.

— А мальчика не учили говорить спасибо и не хамить тем, кто помогает?

Тут уже рассмеялся первый парень:

— Это будет интересно.

Они прошли во внутрь парка к угловым беседкам. Посадили парня на скамью. Лина попыталась встать, но мужская рука крепко держала её, вынуждая сидеть рядом.

— Лев, а где все наши?! Прошло достаточно времени чтоб

нас закатали в аду. И ни одной машины сопровождения! — и добавил усмехнувшись, — не шевелись пожалуйста, Лина, у меня кажется сломаны ребра, это очень больно. От тебя тепло, а на улице, снег, если ты не заметила… и я в рубашке и жилетке… на голом теле.

Девушка набрала полный рот воздуха, чтоб начать возмущаться, но тишину нарушил рев моторов и визги тормозов. Крики и шум привлекли внимание всей троицы. Оба парня резко встали и вытянули руки с оружием в сторону шума, прикрывая девушку на скамье.

Лина распахнула глаза от увиденного. Двое раненных парня стояли в боевой стрелковой позе на вытяжку, как будто и не было их ран. Ни один мускул не дрожал на их лицах. Из-за изгороди появились парни в черных куртках и пальто. На плече красовались черные шевроны с диагональной линией из камней.

Парни выдохнули и опустили оружие.

Светлый парень вышел навстречу. Второй пошатнулся и не оборачиваясь сказал:

— Стань пожалуйста рядом, чтоб я мог опереться. У меня нет сил стоять, а я не могу быть слабым сейчас.

Девушка просто молча подошла и обняла его за пояс. Это показалось естественным и нормальным, что даже не вызвало вопросов и отторжения. Он вздрогнул и обернулся на неё. Она поправила волосы ему с лица и рукавом промокнула со щеки кровь. Он напомнил ей её братьев. Они почти все го-

товы были держать авторитет любой ценой, да и она сама вспомнила сколько раз уперто делала что-то назло, только чтоб не отступать.

Она хмуро посмотрела в его глаза и улыбнулась. Он шумно выдохнул и прижал её к себе сильнее.

К ним подбежали мужчины. Кто-то накинул на плечи парню накидку-пальто, кто-то спросил не нужна ли помощь, вокруг все суетились. Лина отошла назад и села, как только рука с талии отпустила её. Вокруг все суетились и шумели.

Большой черный джип подогнали прямо к беседке. Рядом с водителем сидел первый парень. Он осторожно вышел. Кивнул водителю. Парни четко работали кто что делает.

Второй парень подошел к машине, перед ним окрыли дверь Он остановился и что-то сказал первому. Тот посмотрел прямо на девушку, кивнул. Дождался пока тот сядет в машину, закрыл за ним дверь, постучал по крыше и отошел. Машина с визгом тронулась с места.

— Меня Лев зовут. Я не представился.

Девушка кивнула.

— Пойдем Лина, как минимум с нас чистка и ремонт пальто…

Девушка помотала головой.

— Мне надо в пансионат. Меня искать будут. Ничего вы мне не должны.

Все вокруг замерли.

Мужчина прокашлялся. Протянул руку.

— Я не говорю, что что-то должен. Я говорю, что ты едешь со мной. И пытаюсь объяснить, что мне бы хотелось, чтоб ты это сделала сама… без принуждения.

Лина вспыхнула. Страшные истории, рассказанные Дьяком, всплыли одна за одной в её памяти. Она попрощалась с этим миром, с ненавистным пансионом, с родителями, которые никогда не узнают, как она вляпалась… а еще ей стало легко и радостно, что в её жизни что-то случилось.

— С тобой ничего не случится. Тебя привезут куда скажешь… но позже. Идем.

Девушка кивнула и прошла в машину.

На такой машине она не ездила. Комфортный салон, высокая посадка, удобные кресла. У отца тоже был высокий пост и комфортные машины, но в Секторе использовались машины нового образца и собственной разработки, а за пределы он почти не выезжал с момента перехода на новый пост. За его голову было назначено вознаграждение, поэтому он не покидал Сектор, а она жила как племянница богатых родственников. Близкими они так и не стали, и почти сразу по выходу из центра активации, девочку отправили обратно, но уже в пансион, а не к дедушке в пригород.

Серые пейзажи отвлекли её от мыслей. Машина на огромной скорости выехала за город. Мимо полетели развалины промышленных объектов. Летом тут всё зеленело, а зимой грустная, унылая картина охватывала тоской груды кирпича и зияющие дыры вместо окон полуразваленных домов. Снег

вдоль дороги был серый, местами черный, разноцветный от осадков. Город жил только за счет двух пансионатов и промышленного участка переработки ресурсов. Власть была у Черной коалиции. И только сейчас в голове начала пульсировать мысль, которую вбивали братья годами, с момента переезда — видишь машину на черных номерах — беги, видишь людей с шевронами — беги, видишь, что все бегут — БЕГИ!!! Девушка усмехнулась. Ей хотелось бунтарства и разнообразия, но вот в эту минуту жить почему-то хотелось сильнее.

На улице почти стемнело. С заднего сиденья девушка рассматривала через лобовое стекло дорожное полотно в свете фар. Лев на переднем сиденье сидел с закрытыми глазами. У водителя были надеты полуочки, эту технологию она знала по Сектору. На линзу перед глазом проецировали неровности и корректную траекторию. Проекция и её состав зависел от оплаченных встроенных функций. Вплоть до ночной езды без фар и информационной базы пользователей. При наведении на любого человека из базы пользователь видел данные по нему.

— Лев. Леев, ты спишь?

Мужчина, не двигаясь и не открывая глаз:

— Нет. Что такое?

— Куда мы едем?

— В Обитель.

Девушка распахнула глаза. Это название она часто слы-

шала в перешептываниях пансионаток и разговоров братьев. Обитель — это большая охраняемая частная территория. На её территории находился большой развлекательный корпус с казино, барами, домами отдыха и закрытыми клубами для руководящих персон и отдельные клубы для рядового персонала. Тут же находился штаб управления, тренировки и подготовки кадров общины Черных.

Города, не вошедшие в структуру Триады были под властью повстанцев. Более продвинутые делились на Сектор, Черных и Красных. Откуда это пошло Лина не знала, но знала, что с Сектором ближе общение у Черных. Красные в основной массе состояли из военных баз, которые в своё время были захвачены и автономизированы.

Обители находились всегда за городом и правила там существовали исключительно частные. Ни одна структура управления не лезла в дела другой. Все старались соблюдать политику взаимодействия и сосуществования. Свод единых правил Триады содержал только общие правила, всё остальное адаптировалось на месте.

Вдали показалось зарево. Машина быстро приближалась к огням и вскоре проступили очертания города.

Три кордона заграждений и охраны. Вышки и вооруженные люди. Электрические заборы. Это девушка знала из рассказов брата. Дьяк и Мух уже три года работали в Обители. С некоторых пор туда же ждали место и остальные. Это была самая высокооплачиваемая и престижная работа в городе.

Не важно будете ли вы уборщиком, или охранником, Вы будете под защитой шеврона и Ваши дети будут питаться нормальной едой. В случае гибели работника на службе, семья получит содержание.

Но и наказания за предательство или слив информации были летальные, а семья выдворялась за пределы влияния той, иной Обители… зачастую обрекаясь на смерть…

Машина быстро проехала все посты и помчалась по освещённому городу. Девушка смотрела по сторонам. Такое количество света и чистоту она могла сравнить только с городами Сектора. Но явное отличие было в большом количестве людей в черных костюмах и ярких одеждах. И они явно были не трезвы.

На входах в зданиях светились яркие вывески и играла громкая музыка.

Машина проехала через весь город к самому большому зданию с куполами. Здание отличалось самой скромной подсветкой и темными тонами здания. Купола здания переливались стеклянными отблесками. Невозможно было понять единое это здание, или несколько соединенных переходами, но размер превосходил всё увиденное девушкой. У освещенного входа стояла самая большая толпа людей и количество охраны. Рядом с входом находились ворота для въезда машины.

При въезде машину остановила охрана. Водитель опустил передние стекла. Мужчина с автоматом подошел к пассажи-

ру на переднем сиденье.

— Лев это ты?

— Глупый вопрос. Ты же видишь. Главный на месте?

— Да. В основной башне. Он сказал, чтоб вызвали медиков и привезли спец заказ. Были проблемы?

— Поднимешься и потом обсудим. Медиков направь в башню, мне нужен хирург, огнестрел на вылет. И штамп дай, со мной гостья. Её ждут в башне.

Парень протянул блестящий браслет и попытался заглянуть в машину. Лев наклонился в его сторону и громко на ухо спросил:

— Жить надоело? Что не ясно в словах — гостья в башню?!

Парень распахнул глаза и кивнул. Отошел и махнул рукой. Сзади него поднялась еле заметная мерцающая пелена.

«Барьер!», — пронеслось в голове Алины.

Машина въехала на парковку и поехала в тоннель. Через несколько метров одна стена стала прозрачной и через нее просматривался зал в три этажа с отдыхающими людьми, барная стойка в центре, танцующие девушки и парни в бикини с закрытыми лицами на подвешенных стойках. Стробоскопы освещали танцующую толпу. По второму ярусу располагались зоны с диванами вокруг столиков. По третьему столики, отделенные гибкими ширмами. Из машины было сложно определить это были шторы или перегородки. Машина аккуратно поднималась как бы по кругу основного за-

ла вверх. На уровне между вторым и третьим этажом стояла охрана. Машина остановилась.

— Пойдем. Надень это на руку.

Лев протянул браслет девушке. Он вышел из машины первый. Махнул рукой, и охрана заняла позиции вдоль тоннеля освобождая проход. Лине открыл дверь водитель и протянул руку. Девушка смотрела на руку и не шевелилась. Из-за плеча водителя выглянул Лев.

— Ты чего сидишь, идем.

Лина кивнула на руку водителя:

— Он что-то хочет от меня я не понимаю.

Мужчины переглянулись и Лев улыбнулся.

— Он руку тебе подает. Чтоб помочь выйти.

Девушка несдержанно фыркнула.

— А я что старая что ли? Ранен тут ты, мне его рука зачем?!

Водитель снова повернулся к Льву и вопросительно глянул. Лев махнул в сторону и подошел сам.

— Тебе никогда руку не подавали? Это этикет.

Лина неуклюже вылезла и посмотрела на Льва стараясь казаться с ним наравне насколько могла:

— Да меня бы братья пристрелили за немощность… по этикету, за такие просьбы бы.

И обошла мужчин.

— Куда нам?

Лев усмехнулся и пошел рядом. Охрана стояла недвижи-

мо, когда они прошли через еще один барьер и в двери. При открывании дверей музыка оглушила девушку. Громкие басы ворвались в помещение оглушая. Они шли по галерее третьего этажа наверх. Тут не было охраны. Только прозрачные перекрытия и свисающие тканевые занавески в пол. Через перекрытия виден был все тот же огромный зал, но уже сверху.

За еще одной дверью их снова окутала тишина. Коридор был похож больше на домашний. Выполненный в светло серых тонах с зеркальными вставками и дверьми. На полу лежало ковровое покрытие.

— Тебе тапочки нужно?

Лина подпрыгнула от голоса мужчины. Он снял туфли и из скрытого гардероба достал себе тапки. Туда же повесил пальто.

— Ннет. Если можно я лучше в носках.

— Можно, че нет то. Тут тепло и чисто.

Пальто снимешь в комнате, пойдем.

Лина сняла сапоги и приятно наступила на мягкий ковер. Пошевелила пальцами ног.

— Мягонько.

Лев смотрел на девушку задумчиво.

— Пойдем.

Они прошли через три двери и попали в большую комнату. В комнате посередине встроенный в пол ниже уровнем располагался круговой диван. В центре стоял столик с раз-

личными бутылками и ниже стаканами.

Пройдя мимо они прошли еще через одну дверь и попали в комнату поменьше.

В углу комнаты горел камин. Перед ним стояло кресло и лежал пушистый ковер. В противоположном углу еле просматривались офисные интерактивный стол и стул. В комнате было темно.

— Свет на тройку, — громко прозвучало из темноты.

Девушка снова подпрыгнула, а Лев улыбнулся.

— Ты долго.

— Как могли торопились. Вызывай медиков.

Из темного угла показался парень из авто. Жилетка на нем была расстегнула, рубашка распахнута до середины груди. Волосы взъерошены, а в руках он держал бокал с темной жидкостью. Ноги были вытянуты и скрещены. Он был босой.

— Лина надеюсь тебя мои парни не напугали? И не обижали?

Девушка улыбнулась. Сняла пальто и бросила его на освещенный диван, стоящий вдоль стены на входе. Сама села рядом и стянула носки. Потом подогнула ноги под себя.

— Не обижали, но я очень настаивала, что мне пора в пансионат и родные будут волноваться. У меня телефон сел.

Парень усмехнулся и кивнул Льву. Тот налил себе бокал из преддиванного столика и сел с другого края от девушки.

— Упертая?

— Не то слово.

И оба рассмеялись.

— Ты не представился.

— Граф.

Девушка улыбнулась еще шире.

— Я больше предпочитаю имена, а не клички.

Парни поперхнулись напитком.

Карие глаза сверкнули.

— Саша. И это не кличка, я не пЁс, это звание. Так проще.

Лина кивнула. И посмотрела ему прям в глаза, а потом на бокал.

— А мне можно, раз уж я тут? И зачем я тут?

— Тебе все можно сегодня.

Парень поднял руку, на которой блестел черный браслет с камнями и в него произнес:

— Медиков и горничную!

И облокотился на спинку.

— Лев ты держишься?

Парень кивнул.

— Я вколол обезбол. Ты сам как?

— Держусь…

В комнату по стуку вошли три парня в белых халатах и одна девушка в черном костюме и пучком из волос. На всех были надеты полуочки.

Граф встал.

— Вика, нам нужна чистка одежды для моей гостьи. Второй комплект смены такого же размера. Шампанское, фрук-

ты и …он глянул на девушку… шоколад.

Затем обернулся к медикам:

— У Льва огнестрел. Нужно подлатать его. Вика выполняйте, у Вас есть 10 минут пока мы заняты медиками.

Девушка кивнула и вышла. Как только закрылась дверь, один из медиков подошел к Графу.

— Что с тобой?

— Кажется ребра. Тут на макушке прошло по касательной. Красивый пробор вышел, я обработал. И рука в плече болит, мне кажется что-то повредил. Больно поднимать и жжёт.

Медик повернулся к девушке.

— У Вас все хорошо? Много крови.

Она помахала головой и кивнула на парня:

— Это их.

Медик перевел взгляд.

— Алекс куда ты опять вляпался?

Обернулся на двух других и громко крикнул:

— Че стоим? Огнестрел сам себя не залечит!

Граф протянул руку девушке.

— Пойдем с нами. Это быстро.

Лина молча встала и прошла в еще одну смежную комнату. В комнате в углу стояла большая парящая кровать с тяжелым балдахином. Два кресла, большой скрытый гардероб и встроенный камин.

— Свет!

Комната осветилась полностью. Девушка заметила, что комната располагалась под куполом. Парень сел на кресло и снял рубашку. Лина покраснела и отвернулась. Врач достал что-то типа телефона и стал водить по телу парня.

— В принципе бывало и хуже. Шрам будем убирать?

Граф кивнул.

— Что там Док?

— Перелом трех ребер. Сотрясение. А в плече у тебя пуля. При чем эта дрянь, судя по всему, нового типа. Входное аккуратное и как будто запаяно, поэтому нет кровотечения. Но сканер фиксирует присутствие инородного тела, надо доставать.

Парень кивнул и обернулся к девушке, которая пыталась всячески не смотреть в их сторону.

— Лина ты здесь как прикрытие. Я не имею право болеть и показывать свою слабость, это вопрос безопасность всей Обители. Если слаб руководитель, значит можно расшатать хрупкую систему. О том, что со мной проблемы знает только пара человек. Для остальных я вот тут с девушкой. Док осматривает тебя на болезни. Ты поможешь?

Лина смотрела ему прям в глаза. Всё её нутро кричало: «НЕТ!» Но она кивнула и подошла.

— Я уже помогла тебе в машине, не могу ж я тут бросить тебя… да и себя кажется…

Посмотрела на медика:

— Что мне делать Док?

Врач кивнул и достал из кармана что-то похожее на ручку.

— Вам самое трудное. Отвлекать его и терпеть его характер. А я пока быстро извлеку пулю и обработаю второй кожей. Через пару дней он будет полностью цел. Но во время восстановления надо чтоб кто-то был рядом. Процесс болезненный. Особенно сращивание костей.

Лина кивнула. Этот процесс она знала по Сектору, когда мать решила избавить её от всех шрамов на теле, восстановить перелом из детства и по указу отца провести укрепление костного каркаса. Девушка две недели не могла спать, есть, ходить. Все тело ломило и выкручивало, кровь кипела и пузырилась. Обезболивающие в этот период не предусматривались так как девочке было мало лет, и они могли ухудшить результат и скорость течения процесса. Единственным, что немного облегчало состояние это когда измученное сознание проваливало девочку в бессознательный лечебный сон. Через две недели симптомы просто в секунду испарились. Но в памяти они остались на всю жизнь. А еще в памяти было свежо, как болели братья — тяжело, капризно и всегда с кучей жалоб.

Девушка вышла из комнаты, там медики раздели Льва и орудовали над ним в четыре руки.

— А где та жидкость что ты наливал?

Лев, не открывая глаз:

— Там сбоку дивана стоит стол, посмотри в центре скрытая полка. Выбирай любую бутылку!

Лина кивнула. Она взяла две понравившиеся на вид бутылки, два бокала и вернулась в комнату к Графу.

Док посмотрел оценивающе на бутылки, повернулся на пациента и громко сказал:

— Где ты нашел эту молодую особу? У неё отличный вкус и она быстро понимает что будет нужно. И Мы ей доверяем насколько я понимаю?

Карие глаза блеснули, и парень мальчишески усмехнулся:

— Моя машина чуть не угробила эту девочку, а потом она решила почему-то стать моим ангелом-хранителем. Может я всё же не так плох Док? И я почему-то действительно ей верю…

Медик кивнул.

— Готов?

Парень взял ремень в зубы.

— Готов.

Доктор обошел парня и занес «ручку» над плечом.

Алина встала рядом:

— Подождите!

Док замер, парень открыл глаза и посмотрел в её голубые.

— Где Я могу взять чистую рубашку? Или футболку? А ему нужно выпить весь бокал залпом пока.

Парень кивнул в сторону кровати:

— Там на кровати сверху должны лежать с чистки вещи. Док можно мне вискарика?

Медик кивнул.

— Думаю девочка права, у тебя не сильно пьяное состояние. А больно будет сильно, ты же знаешь, что тут или обезбол или быстрое восстановление.

Парень выпил бокал залпом и взял ремень в рот.

Лина подошла в черной рубашке, закатала рукава до локтя и села прям перед парнем на пол. Свою форменную блузку с рюшами она скинула на кровать. Ноги она просунула под кресло и сложила их по-турецки. Затем протянула руку и потянула ремень изо рта. Он придержал её руку и вопросительно глянул.

— Когда дед правил кости брату в поле у нас не было ничего под рукой. Дьяку было от силы лет 12, а обезболивающего не было. Он упал и поскользнулся, открытый перелом кисти руки. Было очень страшно. Брат почти не кричал… думаю, чтоб меня маленькую не испугать. Дед тогда много говорил с ним, а я держала рубашку перед его лицом и отвлекала чтоб не видел процесс… я не говорю, что это сняло боль. Но это действеннее, чем закрыться в своей боли и сломать себе зубы. Тем более Я для тебя человек новый. Твоя реакция на меня острее. И я ненамного младше тебя, не зови меня девочка. Я уже не в том возрасте.

Она посмотрела на доктора и еле заметно кивнула ему. Доктор кивнул в ответ и сделал первый надрез. Одновременно с этим девушка положила свою руку на руку парня и глядя ему в глаза сказала:

— Смотри какие у тебя большие руки…

Парень шумно вдохнул… выдохнул… аккуратно провел по её кисти…

— А много у тебя братьев? В реестре ты числишься сиротой.

Девушка широко улыбнулась.

— Быстро работают твои работники. Я сирота не с рождения. В пансионате для сирот работали мои дед с бабкой. Пока они были живы я жила там… это было очень недолго.

Док показал пинцет и махнул девушке.

Она приподнялась сменить позу и провела парню по щеке свободной рукой, вытирая следы крови и грязи.

— А почему ты Граф?

Парень шумно втянул воздух и зажмурился. Скулы стали каменными, желваки заходили. Врач быстро работал инструментом и что-то бормотал под нос. По его лицу бежал пот. На пол капала кровь.

— Граф! У меня собака была с таким именем. Такой послушный, но упертый пёс был.

Парень распахнул глаза. В них читался огонь. Они стали почти черные.

— Я только раз пропущу мимо ушей что ты меня псиной назвала. И то только потому, что тут Док и ты меня не знаешь.

Лина усмехнулась в ответ, а врач громко выдохнул и что-то звонко упало в чашку.

— Девочка ты, конечно, молодец, но этот парень быстро

придет в себя, не беси его так. Сашка придется зашивать через пару дней. Тут клей не сработает. Что-то не то с раной. Ей нужно откровить. Пусть очистится. Кто-то очень хотел убить тебя.

Парень еле заметно кивнул, но глаз не отвел:

— Много кто хочет этого Док, — и обратился к девушке, — Ты и с братьями такая бесячая?

Девушка рассмеялась. И села положив под себя ноги.

— Вообще-то я их самая любимая. У меня их в основном четверо, общаюсь я постоянно с тремя, когда они не на работе и я не в пансионате. И бесячей они меня не считают. А Ты не ответил.

— Должности в структуре идут по титулам. Не знаю кто и когда это придумал. Но после того, как я понравился Управляющему меня воспитывали на эту должность. А она безликая. Все, кто стоит во главе Обители — Графы. Так проще. Одного убили пришел другой, и имя запоминать не нужно… Док ты скоро?

Девушка налила еще бокал и протянула.

Парень выпил залпом.

Медик наложил бинты и сверху распылил спрей сетку.

— Я закончил. Сеткой накрыл. Но кровь просочится. И нужно будет сменить повязку по намоканию. Рана серьезная. Я заберу пулю на анализ, в ней была капсула с чем-то, химикат не дал кровить ране, но внутри заражал тебя. Кровь я тоже взял на анализ. Твоя задача продержаться пока не решим,

что дальше. А твоя — врач кивнул на девушку, — следить за ним. Из того что я увидел я могу тебе его доверить. Я лечу этого пациента больше десяти лет и это первый раз, когда мы ничего не сломали и не разбили, и не пристрелили никого. Думаю, твоя заслуга тут явно оценима. И не слушай его, этот волк рычит громче, чем в реальности приносит разрушений.

Девушка встала и помогла собрать все вокруг. Врач аккуратно собрал всё в сумку. Взял девушку под руку и сказал:

— Ну а теперь пойдем играть роли?

Она насупилась.

— Теперь я всем расскажу, что выбор девушки отличен и физически вы можете составить компанию этому молодому человеку.

Девушка резко остановилась.

— Вы ЧТО скажете?!

Врач и парень переглянулись.

— Они тебе не сказали в чем тут твоя роль?

— Я думала моя роль поддержать его и сказать, что врач мне нужен был! А не распинаться что я тут для… для… да как это культурно назвать то?!

Парень громко рассмеялся.

— Ты сейчас издеваешься? Да попасть в эту комнату мечтает процентов девяносто женщин нашей Обители. А те, кто побывал не расстроились. А ты просто делаешь вид. И тебе заплатят за это.

Лина резко повернулась в его сторону не рассчитав, что

он уже так близко. Девушка врезалась в парня. По инерции он схватил её руками, и они оба упали на пол. Он упал на спину, она сверху.

Граф шумно простонал и зажмурился, сжав её. Лина попыталась привстать и откатится, но его руки крепко держали. Доктор зажмурился и прикрыл рукой лоб.

— Не шевелись боже… боль адская… сейчас пройдет, и я отпущу тебя.

Девушка замерла и покраснела. Лента на растрепанной косе сползла окончательно и волосы накрыли их завесой.

Парень смотрел в глаза, перевел взгляд на губы, на румянец на щеках и обратно. И громко сказал:

— Док иди, мы дальше сами.

— Может я осмотрю…

— Док. Иди.

— Но я бы… и надо бы…

— Просто иди. Я тебе не хочу отдавать приказ. Мы же друзья.

Врач прокашлялся. Он был заметнее старше парня.

— Поэтому я бы и хотел заново осмотреть тебя. И помочь девочке…

Парень громко выругался матом. Врач развернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

— У тебя красивые губы и глаза тебе говорили?

Девушка распахнула глаза и покраснела еще сильнее.

— Я тяжелая, — прошептала она.

Парень кивнул и улыбнулся.

— Кажется я понял в чем причина твоего негодования… — и так же шепотом добавил, — и скажи мне — откуда ты такая? Упрись кистями в пол. Я разожму руки, а ты перенесешь вес на них. Как при отжиманиях перекатись в сторону. Я сяду, а ты посмотри, что там с раной пожалуйста. Хорошо?

Девушка кивнула.

— Я готова.

Парень разжал руки, и она быстро откатилась и вскочила на ноги. Ноги поехали на ковре, и она снова упала. Граф громко рассмеялся. Он сел на пол и подполз к ней.

— Я не кусаюсь. Ползи ко мне.

И спустил рубашку с плеч. Девушка подползла к нему и поцокала языком.

— Повязка пропиталась, надо менять. Посиди тут.

— Да я вроде никуда не тороплюсь. Нальешь заодно еще виски, больно очень?

— Хорошо, несу. Какой-то ты неженка.

Парень усмехнулся.

— И себе налей, помнится ты хотела попробовать.

Девушка кивнула.

Через пару минут она расположилась за спиной парня с бокалом янтарной жидкости. Через сетку на спине уже начинала сочится кровь. На спине виднелись множественные залеченные рубцы. Она знала, как выглядят шрамы при восстановлении современной медициной. Непроизвольно паль-

цами она провела по самому видному. Парень втянул воздух.

— Это от плети… она была из металлического прутка с шипами. Ею наказывали собак в яме. Я долго не хотел избавляться от шрамов. Они мне помогали помнить откуда я выбрался. Но шрамы пугают… девочек. А девушки меня очень привлекают. Но я не об этом. Пьем? Там все плохо?

Лина кивнула.

— Чего молчишь?

Она улыбнулась и обползла его.

— Я кивнула. Пьем. Давай за здоровье!

И сделала глубокий глоток.

Жидкость обожгла горло. Крепость ударила в нос. Жар спустился в желудок и расплескался по всему телу вместе с кашлем. Парень опять громко рассмеялся. И крикнул в потолок:

— Ася! Вызов Вики с заказом! Срочно. Заказ оставить у спальни!

Сверху приятный голос отозвался:

— Заказ под дверью уже пару минут. Док распорядился. Отправить внутрь?

— Нет я сам, отмена! Смени свет на нижний и запусти проекцию туманный лес на галерею.

Свет с потолка погас, сменившись переливами в полу и по стенам. На стеклянной стене появился лес в дымке. Девушка зачарованно замерла. Граф аккуратно встал, задумчиво наблюдая за девушкой, затем открыл дверь, что-то сказал,

взял поднос-корзину и захлопнул дверь. Сел рядом с Линой и протянул из корзины ягоду.

— Съешь. Так вкуснее. И тут шампанское тебе, если захочешь что-то не такое …обжигающее.

Лина прожевала ягоду. Кивнула. И вновь выпила виски.

— Я хочу эту жижу. Она меня согрела до пальцев ног. Пусть даже немного грязных и босых. Спасибо. Давай сменим повязку. Только не пойму, как сетку снимать и наносить.

— Там на столе стоит распылитель. Он нанесет новую. А чтобы снять нужно взять распылитель с полки из стола. Зеленая банка в нижнем ящике. Только не поскользнись пожалуйста снова.

Лина сделала большой глоток оставшейся жидкости и потопала к столу. Возле стола она присела и потянула ящик. Подняла голову и увидела, как дверь в комнату открывается и входят двое мужчин с оружием. Сзади послышались характерные хлопки от выстрелов и вспышки. Граф подскочил на месте как стрела и прыгнул в сторону к дивану. Мужчины стали стрелять. Лина присела за столом и поползла в сторону к тяжелым шторам, которые висели вдоль галереи окон по всему периметру. Мерцание света помогало скрываться, а черная рубашка не отсвечивала. Аккуратно вползла за штору. Стеклянная галерея освещалась огнями города. Между шторой и стеклом было не меньше метра. Девушка аккуратно приподняла низ шторы и растянувшись на полу, прижимаясь щекой к холодному каменному кафелю, стала

всматриваться в комнату. Мужчины двигались синхронно с двух сторон. Их бесшумные шаги отдавались в голове тяжелыми ударами сердца. Шум в ушах усилился. Мысли понеслись вихрем.

Двое мужчин с оружием. Раненный и выпивший тот, на кого охота и в чьих силах её защитить… Но как? Он безоружный… Девушка стала аккуратно отползать вдоль галереи синхронно с мужчинами в противоположную сторону. Самое трудное было незаметно поднимать и опускать штору. В комнате свет был так же приглушен, а сзади девушки было слишком много света.

Один другому кивнул в сторону темного угла. Второй кивнул и вытянул руку с оружием.

Девушка отползла им за спины. В этой части закончилась галерея и шторы подошли к концу. Она вытянулась вдоль стены и попробовала выглянуть.

В этот момент из темноты выпрыгнул Граф на одного из мужчин. И снова послышались хлопки. Что-то больно ужалило в плечо руки ближе к ключице, и девушка вскрикнула. Это привлекло второго мужчину. Он двинулся в её сторону. Алина зажала рот рукой и присела. Рядом с ней по галерее прошлись хлопки от выстрелов. В проекции на окнах появились «шумы» от повреждений, на окнах галереи проявились чуть заметные царапки.

— Ася, музыка максимум, свет — стробоскопы! Команду зачистки в башню!

Если до этого девушка думала, что ей страшно, то в этот момент всё вокруг сошло с ума. Вокруг одновременно всё загремело басами, от которых в груди перехватило дыхание, в глазах зарябило и появилось ощущение раскадровки. Штору резко откинули.

На нее направили дуло пистолета. Девушка инстинктивно выставила руки перед собой. Глаза в маске с интересом её рассматривали. Человек усмехнулся, убрал пистолет в кобуру и достал нож из ножен на ноге. Он двигался медленно. Лина увидела кровь на своих пальцах, это настолько её отрезвило что она кинулась бежать вдоль галереи. Она не оглядывалась, она просто добежала до центра галереи и кинулась назад к столу. Споткнулась, перелетела через него и упала на ковер возле стула, где недавно зашивали рану. Её поймали грубо за ногу и дернули назад. При развороте она ударила того, кто её удерживал за что получила сильный удар в лицо и скользящий порез на икре. Девушка крикнула от боли, в голове зазвенело. Она вспомнила свой первый подзатыльник от Мухи. Ей тогда показалось что голова оторвалась и пробила грудную клетку. Шея болела больше недели, а тошнило четыре дня. Такой силы был удар. Сейчас ощущения были терпимее и не так звенело в ушах. Девушка вывернулась, увидев второй взмах ножа. Мужчина сел сверху и замахнулся вновь, но она вскинула руки в защите и получила второй скользящий порез на руке. В следующий момент мужчину скинули ударом ноги в спину. Над ней мельком по-

явился Граф. На его лице не было ни одной эмоции. Черные глаза ничего не отражали кроме ненависти и азарта. Девушка откатилась и встала на ноги сзади него. Мужчина улыбнулся и облизал губы. Он играл с ножом перебрасывая его с руки в руку и кружа. Граф спокойно двигался в параллель. По спине текла кровь, на руках виднелись подтеки, костяшки пальцев были разбиты, и он крутил перстень на безымянном пальце большим. Он плавно менял стойку с левой на правую и обратно.

Граф улыбался.

Хищно скалился.

— Держись за спиной!

Девушка так четко услышала его голос что подпрыгнула. Она даже не заметила, что музыка притихла и частота мерцания стробоскопов уменьшилась. Лина стала двигаться вместе с мужчинами пока не наступила на что-то теплое и мокрое.

В свете мерцания на светлом пушистом ковре растеклось большое кровавое пятно. Мужчина лежал с открытым, застывшим ртом, а вместо глаз у него были две зияющие дыры… Девушка задохнулась от увиденного и невольно зажала рот рукой, подавляя вскрик и зажмурилась пятясь.

Этого хватило, чтоб Граф мельком глянул в её сторону, а мужчина в маске сделал выпад и завязалась драка.

Девушка заставила себя открыть глаза и ахнула. Парни методично обменивались ударами, нож то и дело пытался

укусить оппонента. В какой-то момент лезвие всё же прошлось по касательной по ребрам Графа. Тот шумно выдохнул сквозь зубы и дернулся. Второй мужчина перекинул его через себя и сел сверху. Снова блеснул нож и был остановлен в паре сантиметров от тела, лежащего со скрещенными перед собой руками. Мужчины сопели и фыркали.

Лина сделала шаг назад… ноги на пропитанном кровью пушистом ковре проехали, и девушка упала рядом с трупом. Хотелось рыдать и кричать одновременно, но в голове засела мысль, что между ней и смертью только этот полураздетый новый знакомый на полу. Глаза выхватили в полумраке отблеск оружия рядом с телом. А дальше только одна мысль вытеснила все остальные — Я хочу жить! Она встала. Подняла оружие и подошла к мужчинам.

— Слезь с него!

Парни замерли.

Незнакомец после пары секунд продолжил давить на нож и сквозь зубы со смехом в слух сказал: «Чтоб убить человека нужно иметь волю к этому. Хотела бы выстрелить выстрелила. Потерпи я и тобой займусь».

Лина нажала на спусковой крючок, но пистолет лишь пшикнул. Она нажала еще и еще раз. Результат не изменился.

— Пре..до..х… ра… нитель! Под пальцем у тебя… красная точка…

Девушка посмотрела на Графа. По его лицу струился пот.

Скулы побелели от усилий, на висках бились вены.

Алина покрутила оружие. Никаких точек. Чувство безысходности и страха снова охватило всю её сущность. Лезвие ножа почти коснулось тела мужчины. Девушка швырнула оружием в голову, сидящего сверху. Тот дернулся, громко выругался, но продолжил нажим на оружие. Пистолет громко прокатился по полу.

Девушка схватила недопитую бутылку со стола, подбежала к мужчинам и со всего размаха ударила сидящего по голове. Потом повторила. Мужчина разжал руки и завалился на бок, девушка ударила его еще и еще, и еще… пока её не оттащили в сторону не развернули и не прижали к себе в плотное железное кольцо рук. В этот момент дверь с громким грохотом распахнулась и в комнату влетели мужчины в костюмах с шевронами. Со всех сторон послышалась брань. Голос Графа ровно отдавал приказы и успокаивающе звучал в ушах. Девушка стояла неподвижно, опять прижатая рукой к мужскому телу. Она не прислушивалась к общему фону голосов. Мысли разбежались разом.

Из общего фона голосов её вырвала приглушенная знакомая интонация. Девушка сначала подняла голову на держащего её парня и посмотрела на него. Он просто раздавал команды. Его глаза не были такими черными и холодными как пару минут назад. Цвет светлого янтаря с пушистыми зелеными прожилками занимал большую часть роговицы. Он глянул в её глаза в ответ.

— Спокойна?

Она кивнула.

— Отпускаю?

Она кивнула снова.

— Я сейчас разожму руку, медленно. Топай в сторону кровати в тот угол. Сейчас парни приберут и придет Док. Займемся твоей рукой и ногой.

Девушка вопросительно подняла брови. Он улыбнулся краем рта.

— Сейчас адреналин отпустит поймешь, о чем я. Мой халат кто-то дайте!

— Несу.

Девушка вздрогнула и резко обернулась:

— Рыжик?

Парень с оружием замер.

Все вокруг замерли.

Девушка побежала в его сторону, парень подхватил её и прижал к себе как ребенка. Слезы наконец потекли из глаз сами по себе, просто два ручья по замазанному кровью лицу.

Граф скрестил руки на груди и вопросительно посмотрел на парня.

Тот смущенно опустил глаза и произнес:

— Сестра.

Граф кивнул и прошел в сторону к скрытому шкафу. За панелью достал рубашку и надел её, взял халат. Распахнул его перед собой и кивнул парню. Тот молча подвел девуш-

ку к нему и накинул на нее халат. Завязал пояс и усадил на кровать.

— Я должен идти. Я на работе.

Обернулся к парню и в слух больше вопросительно сказал:

— Всё будет хорошо… кажется… теперь.

Граф лишь нахмурился в ответ.

Девушка отползла к стене. Взгляд упал на измазанные ноги. Посмотрела на руки. Момент перехода эмоций от истерики к панике и отчаянию не заметил даже брат. Руки задрожали. Девушка стала судорожно тереть руки и ноги. Глаза наполнились слезами и уже звуки плача стали подкрадываться к горлу, когда прям рядом с ней возникло со стороны шторы лицо Графа. Он смотрел ей прямо в глаза и улыбался, чем сбил с толку.

— Я не успел сказать, что у тебя глаза интересного цвета. Или успел? И не реви мне тут!! Топай лучше в ванну, она за скрытой панелью около шкафа. Там звуконепроницаемая стенка, Асю попроси она подскажет и покажет, что там и как. Где шкаф ты знаешь уже, возьми то, что подойдет тебе для смены одежды. Повторю — скоро придет Док, топаешь смыть с себя всё и выйти спокойной.

И с нажимом добавил:

— Как понятно?

Девушка кивнула и шмыгнула носом.

— Топай! Сейчас!

Уже мягче добавил, проследив её взгляд.

— Брат будет тут, когда Док придет, если тебе нужно.

Она кивнула и спустила на пол ноги. Тут боль пронизала всё её тело острыми стрелами, и она села на пол со стоном.

Парень не шевельнулся. Он просто протянул руку и сказал:

— Сама! Теперь, кажется, ты поняла зачем тебе Док. Рассмотришь в ванной.

Девушка кивнула, со стоном встала и пошатываясь протопала вдоль стены, смахивая набежавшие слёзы.

— Ася помоги гостье с моего разрешения! Лина скажи — здравствуй Ася!

— Здравствуй Ася, — пропищала Алина.

— Привет Лина, я Ася. Дальше познакомимся за закрытыми дверьми и без лишних глаз. Включаю подсветку скрытых панелей.

На стене вновь появились переливы, как до этого светились шторы и галереи.

Девушка нажала на панель, и та тихо отъехала в сторону открывая проход. Ванная была очень просторная. Зеркала по одну сторону и зеленый мох на второй стене. По стене с мхом струился дымок и искусственный водопад. В углу стояла большая ванна. Девушка назвала бы её мини-бассейном. В ней смело поместилось бы четыре человека. Вся ванна была выложена камнями и кафелем черного, зеленого и белого цвета. Местами висел герб — черный фон с диагональной линией из камней. Как и на шевронах у всех Черных. Лина

повернулась к зеркалу и ахнула.

На нее смотрела взъерошенная девушка, перемазанная кровью с ног до головы. Рубашка съехала на одно плечо и оголила топ под ней. Волосы, слипшиеся местами от крови, сбились в запутанные колтуны. Ноги, руки, лицо… почти все части тела были покрыты кровью.

— Лина у тебя все хорошо?

Девушка подпрыгнула от неожиданности.

— Ася ты меня напугала. Не хорошо.

— Ты примешь ванну или душ? Что набрать и какой температуры? Можно я включу проекцию? Тебе будет спокойнее что ты не одна, а я покажу, где и что лежит.

— Да, включи.

По полу внизу загорелась синяя сетка — подсветка. Рядом возникла девушка с длинными русыми волосами почти до пола. На ней было длинное в пол струящееся голубое платье под грудь в греческом стиле, рукава полупрозрачные струились по рукам до пола. Она была босая. Длинная челка, спереди спрятанная за ухо. Ярко голубые глаза, длинные ресницы, розовые губы и ни капли косметики. Ростом они были примерно одинаковые. При движении проекция немного «рябила». Ася улыбнулась.

— Так душ или ванна?

Лина тоскливо посмотрела на ванну.

— Наверно очень долго наполнить её?

Проекция откинула волосы назад за плечо.

— Нет. Технология позволяет набрать весь объем за пять минут. Но боюсь с твоими травмами просто нельзя этого делать. Я регистрирую как минимум одно огнестрельное и два ножевых. Но думаю, твои ассистент скажет точнее.

Проекция склонила голову набок, как бы задумчиво оценивая девушку.

— Ты мне нравишься. И я не видела раньше таких систем как у тебя. Я не могу диагностировать её и посмотреть. Почему?

— Потому что Ася я не знаю, о чем ты. Просто эта система очень старая. Мне её поставили, когда были живы родители, она не работает.

Проекция подошла вплотную к девушке. Нахмурилась.

— Я не могу оценить обманываешь ли ты. …Однозначно Ты мне нравишься! Ты интересная. Пойдем в душ пока ты не истекла кровью… и обманывать не хорошо! Не делай так. Модуль твоей системы с современной защитой. Иначе я бы его взломала. Но к этому позже. Душ теплый?

— Тридцать восемь градусов.

— ООО. Ты девушка из ада? — проекция хихикнула и прикрыла рот рукой, — пойдем, нам сюда.

Волосы проекция собрала в пучок на макушке, открыв длинную шею с татуировкой по позвоночнику в виде планет и символов зодиаков. Они прошли в дальний угол комнаты, в потолке была встроенная лейка тропического душа. Стен и ограждений не было. Лина аккуратно разделась и вошла в

подсвеченный квадрат. С потолка полетели струи воды. А по периметру подсветки они натыкались на невидимую стену и стекали. Горячая вода смыла с тела кровь и напряжение.

— Сейчас подам шампунь, закрой глазки, милая.

Девушка зажмурилась. Голос ассистента звонко рассмеялся.

— Ну помыть тебя я не помощник, так что массируй волосы. Они у тебя свои что ли?

Лина плавно одной рукой намылила голову и аккуратно прошла по телу.

— Да, свои. А что? Все никак не решусь постричь. Хотя кажется братья правы — по плечи будет самое оно.

Проекция прикусила губу и сморщилась.

— Мужиииикиии. Нет не правы они. Это сейчас очень редко, что своё все. В век нашей медицины и возможностей. А у тебя вообще всё свое… удивительно. И кушать я смотрю ты любишь.

Лина подавилась пеной и фыркнула.

— Ну вот меня Ты еще толстой назови. Я знаю, что я пышнее, чем стандарт. Мне в пансионате это твердят постоянно.

— Я не про полноту. Я как раз про то, что ты здорова в правильном смысле этого слова. Да, если смотреть современные стандарты худобы, то соотношение массы тела у тебя выше нормы. Нооо… у тебя хорошая пропорция и ты подтянутая. Это я тебе как современный компьютер говорю. А полнота в наше время говорит о том, что в твоих приорите-

тах и карманах здоровье.

Проекция опять захихикала.

— Выключаю воду и включаю подачу воздуха. Он пойдет снизу, чтоб осушить тебя. Стеновые барьеры еще стоят, так что не выходи за зону подсветки.

Напор теплого сухого воздуха окутал девушку. Лина прикрыла руками лицо. Волосы в беспорядке летали вокруг и путались.

— Выходи. Одевайся. Как раз пришел Док и уже привели комнату в порядок. Я с тобой не прощаюсь, но ухожу в режим ожидания. Если вдруг что, вызывай, Граф дал доступ.

Девушка кивнула и посмотрела на вещи что взяла. Она вытянула брюки спортивного кроя и футболку. Рядом лежал халат.

Сброшенное белье было запачкано и натягивать его совсем не хотелось. На голое тело девушка натянула те вещи что взяла и сверху халат. Волосы как могла расчесала пальцами и закинула за спину. В таком виде, босая, вышла из ванны.

В комнате стояла тишина. Док склонился над спиной Графа и отчитывал его вслух. Паша сидел на диване и смущенно оглядывался по сторонам. Ни одна деталь интерьера не указывала на происшествие. Ковер сиял белизной и пах луговыми цветами. Проекция на окнах галереи показывали туманный лес. По стенам бегали огоньки подсветки.

Девушка аккуратно вышла на свет.

Брат привстал, но она подняла руку, и сама села рядом.

Док отвлекся на её присутствие:

— Даже не знаю говорить спасибо тебе девочка, или подозревать в принесении неприятностей. Два покушения в один день, это ново даже для нашего Графа. Но как он сказал в этот раз твой вклад весом… и что у тебя с ногой? Ты пачкаешь пол кровью?

Девушка посмотрела на пол и на ногу. Нога, плечо и рука немного давали о себе знать, но вполне терпимо.

— Там небольшой порез. Думаю, пластырем, или тугой повязкой обойдемся. А вот плечо не пойму, там навылет. Спереди маленькая дырочка, сзади тоже. Оно не кровит почти, но адски ноет.

Док покачал головой.

— Значит опять ядовитая тварь. Это новый тип пули. Она при вхождении в тело обжигает входное отверстие как бы запечатывая, а потом начинает отравлять организм ядом. Она еще имеет небольшие шипы, за счет чего сложно извлечь без медпомощи. Значит ты следующая на эту стулку…

Лина тряхнула головой, волосы рассыпались.

— Рыжик ты сказал, что ждешь ответа по работе.

Парень закатил глаза в потолок и получил подзатыльник. Граф и Док замерли. Парень улыбнулся и почесал голову.

— Ли блин. Мы же не одни. Я не хотел, чтоб ты волновалась. Я не имею дело с оружием… и чем-то опасным. Вот мой работодатель может подтвердить, — и кивнул в сторону

Графа.

Граф прокашлялся, Док усердно стал что-то обрабатывать за спиной.

— Я просто прихожу порядок наводить, это не опасно. Смотри как чистенько после нас.

Лина перевела взгляд на Графа, тот упорно рассматривал пальцы ног.

— Ты мне скажи какого хрена лучше Ты тут забыла? Дьяк и Федя тебе голову отвинтят. Они оба кстати на смене.

Девушка обернулась так резко, что от боли пришлось шумно втянуть воздух.

— Только попробуй им сказать. Я клянусь это будут твои последние слова!

Парень громко рассмеялся и убрал волосы девушки за спину.

— Я не скажу, но ты мне все расскажешь. А сейчас давай заплету косу, повернись.

Девушка послушно повернулась. Парень быстро соорудил нечто похожее на косу, снял один из гибких шнурков и повязал вместо резинки для волос.

— Рукав пропитался кровью. Давай я гляну. Док можно мне салфетку?

Врач кивнул в сторону сумки.

— Там есть стерильные повязки, но мне сначала нужно глянуть самому молодой человек. Поэтому чисто промокнуть и приложить, ничего не трогать!

Парень кивнул. Встал и прошел по комнате, взял из сумки три салфетки.

Парень двигался тихо и гибко, как кошка. Граф наблюдал за ним из-под лба. Он знал, что в команде зачистки нет безобидных бойцов. И занимались они не клинингом. А это означало, что родня у девочки, как минимум трое наемников. Профессиональных. Имя Дьяк он знал не понаслышке. Один из самых жестоких бойцов в отделе. Его не ставили руководить только из-за неуправляемости характера. Этот парень не знал, что такое жестокость в полном её смысле. Он убивал и пытал с холодным расчетом. Дьяк вообще фактически относился к нескольким подразделениям, его навыки были многогранны. Этого рыжего парня Граф пока не знал лично. Федь тоже было много, но в отделе зачистки ни одного. Воевать с такими парнями не хотел бы даже он сам. Наличие такой родни объяснило способность не раздумывая принимать нестандартные решения, но не объясняло проявленную наивность во многих вопросах.

Тем временем Док распылил спрей во второй раз на спину, помог накинуть рубашку и стал протирать руки.

— Иди сюда девочка. Посмотрим, что там у тебя.

Пашка подмигнул сестре и протянул руку. Подвел её к стулу и отступил.

— Закатывай штанину, рукава… и как-то скидывай рубаху чтоб плечо было видно.

Девушка широко улыбнулась и сняла рубашку. Под ней

было намотано полотенце вместо нижнего белья. Брюки аккуратно подняла, и сама немного застыла. Порез был довольно глубоким. Без швов дед точно бы не отпустил.

Док присел рядом, осмотрел ногу. Потом посмотрел порез над кистью… такие раны в его учебниках называли оборонительными. Плечо выглядело хуже, чем у Графа. Рана запеклась и от нее шли в разные стороны паутинки бордового цвета, что говорило о заражении. Реакция девушки была сильнее и острее.

Врач поднял голову и посмотрел в голубые глаза:

— Виски? Анальгетики? Аллергия есть? Тут не на вылет. Она не дошла до выхода. А боевая часть рванула наружу.

Девушка широко улыбнулась:

— Шейте Док. А я выпью бокальчик той горячей гадости, от которой в животе жар горит.

Рыжий парень ухмыльнулся и подошел ближе.

— У нее с анальгетиками своя любовь Док. Не восприимчива почти. Терпеть умеет. Болевой порог выше, чем у тех мужчин что я видел.

— Она же девочка, они все терпеливы. Но это будет больно. Адски. Я буду чистить раны, потом залью клеи и поставлю скобы. Шить тут не надо. Не красиво будет. А скобы стянут заклеенные края.

Паша посмотрел в лицо сестры, та кивнула в сторону стола.

— Только не говори и об этом Феде.

Парень кивнул и улыбнулся. Граф взял с его рук бокал и сам отдал девушке.

— Док вколи укол местный. Это дико больно, когда ты туда клей льешь. Тут ни одно терпение не выдержит.

Врач поочередно глянул на всех трех присутствующих. Паша первым вступил:

— Я с ней спорить не буду, на первом курсе пансионата ей шили уже ногу, живая вроде, даже не рыдала. Пусть сама решает.

Лина открыла рот, но Граф поднял руку.

— Я сказал Док. Хотя бы попробуем дать ей спокойствия. Я противник пыток девочек и причинения им умышленно боли.

Док кивнул. Девушка взяла молча бокал. Рыжий парень снова ухмыльнулся:

— Я к вам на курсы приду — как научить сестру молчать и слушаться.

Парень хмыкнул, Док улыбнулся и склонился со шприцом. Девушка залпом выпила бокал, прокашлялась и протянула пустой брату, кивая в сторону стола.

Вся картина изменилась, когда врач брызнул спреем по ране. Голубые глаза стали ледяными. Скулы застыли. Костяшки пальцев побелели, держа стакан. Секундный порыв быстро испарился и на лице девушки вновь появилась улыбка.

— Пашка надо чтоб ты меня прикрыл в пансионате. Ска-

жи, что я не в городе… или че там еще соврать можно…

Врач аккуратно налил клей в рану и тот стал шипеть и пенится. Док стягивал края и ставил скобы степлером. Сверху сразу брызгал спреем повязкой.

Девушка стала говорить через зубы. Врач монотонно говорил с ней, как с ребенком, но она не реагировала. Она просто переводила взгляд по интерьеру. Смотрела в бокал, на брата и на Графа. И так по кругу.

Брат подошел ближе и положил руку на плечо. Она повела плечом стряхивая. И помотала головой.

— Не надо. Мне не десять лет.

Перед ней присел на корточки Граф.

Его глаза стали темно карими. Он немного хмурился.

— Не десять. Но и оставаться с болью в одиночестве не надо. У нас не соревнования.

И убрал рукой прядь волос со лба за ухо.

Только дотронувшись до девушки, он понял, насколько её окутал приступ боли. Кожа девушки была ледяная с выступившим потом на висках.

— Рыжий. Можно же тебя так звать?

Пашка кивнул начальнику.

— Тащи весь вискарь и там в той комнате должны были шоколад принести и шампанского.

Тот кивнул и вышел. А Граф сел в ногах, как сидела перед ним девушка.

Док заканчивал обрабатывать рану на руке. Там порез был

не глубокий, но длинный, его просто залили клеем стянули скобами. Сверху примотали повязкой, чтоб снять нагрузку на кожу.

Граф взял чистый бокал у парня, плеснул туда виски на палец, добавил шампанского и с задорной усмешкой протянул его девушке. В другой руке держал конфету.

— Эти пузырики свалят кого хочешь получше лекарства. Пей. И конфету, за хорошее поведение.

Лина широко улыбнулась.

— Мне не больно.

Граф перестал улыбаться и серьезно, глядя ей в глаза, тихонечко сказал:

— Я вижу… насколько НЕ больно. Пей. Сейчас будет самое страшное.

Девушка кивнула.

— Скажи честно… Грааф… ты хочешь споить меня?

Он засмеялся вместе с ней.

— Абсолютно да, поэтому даже решил пострелять в себя и тебя. Давай Док.

Врач стоял молча.

— Мне нужна будет помощь. Её нужно держать. Её рана быстро закрылась. Я буду резать с двух сторон… потом только начну чистить… чистить много… рана почти сквозная, у нее началось заражение, я не пойму почему так быстро.

Девушка выдохнула.

Паша подошел к врачу ближе:

— Может её на стол положить? Подушку под грудь, а простынь можно обернуть, как ремень безопасности. И я его буду держать. А можно по старинке к стулу примотать. К столу просто прижать проще, упора для ног нет.

Лина усмехнулась.

— Ну спасибо тебе братец, лучше бы в больницу предложил поехать.

— Молчи Ли. Можно было бы в больницу я так понимаю уже бы там были. А дед вспомни так нам всегда делал, когда надо было скрыть раны от властей. И помнится ты тоже участвовала, когда вправляли кости и шили царапки. Так что Док?

— Вариант со столом мне нравится. Мне не нравится, что нашу пациентку не берет обезбол, или скажем так берет в конских дозах и ненадолго, очень быстро растет зона поражения.

— У меня толерантность к анальгетикам, Док. И алкоголю. Долго всасывается. Можем подождать часа три, я буду песни петь, а вы меня лечить. Мне говорили с чем это связано, но я не вникала.

Трое мужчин одновременно хмуро посмотрели на девушку.

— За три часа ты умрешь от заражения с такой скоростью распространения.

Она махнула в ответ, встала и потопала в сторону кровати, придерживая полотенце, чтоб не сползло. Взяла подушку и

одеяло, стянула простынь и потащила всё к столу. В голове пульсировала боль.

— Мне может кто поможет? У меня так-то рука, нога и плечо.

Первым хмыкнул Граф и подошел.

— Сестра у тебя Павел… тот еще индивидуум. Тяжело вам наверно с ней было?

Рыжий перестал улыбаться. Даже собрался и отстранился.

— Она такая одна у нас. Нам всем повезло, что она появилась. Как лучик света в этом гребанном мире. Чего уши развесила, когда мужики говорят? Ползи на стол. И аккуратно я тебя прошу. Меня точно убьют Федя и Дьяк за молчание.

— А если ты выдашь им это всё, — девушка расставила руки, — то тебя убью Я. Потом они меня, и я тебя еще раз только на том свете! Так что решай кого боишься больше.

И насупившись девушка плашмя плюхнулась на стол.

Павел обмотал простынь вокруг девушки, а затем растянул вокруг крышки стола. Сел на пол, натянул концы и уперся в крышку ногами.

Одну руку Алина держала поверх. Руку с ранением примотали к туловищу и зафиксировали.

— Ну я если захочу брыкаться Паш… ты ж знаешь. Я постараюсь тихо лежать. В принципе туго и скованно. Главное, чтоб мою тушку стол выдюжил.

Парень хмыкнул и еще потянул за концы:

— А так?

Девушка шумно выдохнула:

— Думаю хватит. Ты ж мне ребра не хочешь потом лечить.

Граф протянул бокал с искрящейся жидкостью и конфеткой. Лина помотала головой.

— Сначала Ты. Ты тоже у нас с ранениями.

Парень усмехнулся.

— Этот вид заботы для меня вновь. Но как скажешь, — и залпом выпил бокал, — А твою …тушку… стол выдержит… он и не такое видал.

Наполнил новый и помог девушке выпить. Из лежащей позы на животе с замотанным туловищем, половина жидкости пролилась мимо рта. Граф сел рядом и пальцами вытер подбородок и рот.

— Готова?

Девушка перестала улыбаться:

— Выбора нет. Давай Док.

Врач сделал первый надрез — кровь вперемешку с густой черно-бордовой жидкостью потекла из раны. Девушка дернулась и зажмурила глаза. Паша натянул простынь и сквозь зубы сказал: «Никто не осудит тебя за крик! Держись.»

Лина шумно выдохнула. Из закрытых глаз потекли слезы, но она не дернулась больше и не произнесла ни одного звука. Врач сделал еще два надреза и углубился в рану. По столу потекла кровь. Из глаз текли слезы. Девушка уткнулась лбом в стол. Скулы побелели от напряжения. Док взял пинцет и громко сказал: «Иду за ней, держись!»

Девушка шумно выдохнула с громким матом.

Паша хмыкнул. Док и Граф улыбнулись.

Граф взял руку в свою и погладил второй рукой по щеке, вытирая слезы.

Голубые глаза посмотрели на него сквозь пелену соленой воды. Глубокого сине-зеленого цвета с красными вкраплениями от слез на белках. Пушистые мокрые реснички слиплись. На губе проступила кровь от прикуса.

— Почти всё, держись.

Девушка кивнула и дернулась от боли. А дальше… первый раз в своей жизни потеряла сознание, так и не издав ни звука. В её памяти вспыхнули воспоминания о палатах в Секторе. Чисто, стерильно… и больно. Дозированная постоянная боль, которая накатывает и усиливается. Минуты растягиваются в часы, потом дни. Становится спутником. А потом ты привыкаешь к этому «зудящему» чувству и начинаешь получать извращенное удовольствие. Когда наконец адаптация приходит тебе кажется, что ты умер. Ощущения что ничего не болит дают ясность и свежесть в мыслях…

Лина не слышала, как орали брат и новый знакомый чтоб доктор заканчивал пока не убил девушку. Не слышала, как в ответ орал врач, что не знает почему все именно, так и что не может остановить кровь после удаления пули. Не чувствовала, как новый знакомый, ругаясь на чем свет стоит, прислонил раскаленный нож к ране чтоб прижечь какой-то из лопнувших сосудов, чтоб остановить кровь. Не почувствовала,

когда врач прочищал обожжённую рану, клеил её и шил. Не почувствовала, как её аккуратно переложили на мягкую кровать, заботливо переодели в широкую футболку и оставили в покое уколов еще дозу обезболивающего наркотика.

В её мире наступил покой и тишина.

Алина не спешила открывать глаза, она прислушивалась к ощущениям. Первый раз за много лет она вызвала меню ассистента касанием к козелку уха и выбрала диагностику организма. Ася была права — её система была всегда самой инновационной. Она обновлялась даже в отдаленности от Сектора. Единственно её функционал ограничивался местоположением и безопасностью. На активированных охотились в простом мире. Технологии продавались, извлекались для изучения. Никого не останавливало что система являлась частью генетического кода и работала только с одним носителем. Продажа таких людей приносила хороший доход. Поэтому у Лины стояла и система защиты от всевозможных обнаружений и считываний… и аварийный маяк, который почему-то не сработал, когда в нее стреляли и хотели убить. Девушка не любила пользоваться системой, потому что знала, что отец сможет получить часть данных из синхронизации, а это её раздражало. Диагностика показывала незначительные ранения в области руки и ноги и опасную рану в области плеча. Опасность определялась, как заражение инородным вирусом. Неопознанным. Но об этом и Док говорил. Данные вируса были остаточные, угроза не смертельная, уровень был

чуть выше среднего, заживление шло полным ходом. Девушка выдохнула и успокоилась. Блокаторы болевого синдрома работали, что позволяло приглушать боль почти до минимума. Наниты в крови занимались сращиванием и лечением. Тело привычно ломило, кожа горела.

Лина пошевелила рукой, потом второй, потом пальцами ноги. Только после этого открыла глаза и поняла, что полог кровати завешан, а между стыком пробивается свет. Она аккуратно села и приоткрыла полог. На диване лежал Граф в своем обычном виде — черная рубашка, расстегнутая на три верхние пуговицы, черные брюки, ремень, кобура с оружием на плечах и нож на ноге. Рукава на рубашке были подвернуты. На распухших пальцах поблескивал перстень. Руки он держал скрещенными, одна нога согнута в колене и облокочена на спинку. Отросший чуб придавал совсем юный вид.

Девушка тихо сползла с кровати. Медленно подняла и опустила руку, попыталась дотронуться до плеча. Дискомфорт присутствовал, но был терпимым. Она тихо подошла к раскрытым галереям. За окном открывался вид промышленного старого города, покрытый снегом. Вдали виднелись полуразваленные высотки с дырами вместо окон. Разваленные объекты инфраструктуры больничного комплекса и старого города. Сразу за забором внизу виднелись свежие постройки. Которые при свете дня ничем не привлекали внимание. Неоновые вывески и транслирующие щиты не интересовали обитателей.

— Ты быстро заживаешь.

Девушка подпрыгнула на месте и повернулась в сторону дивана. Граф сидел, откинувшись на боковину, вытянув и скрестив перед собой ноги.

— Да, как говорил Дед — как на собаке. Ты меня испугал до чертиков.

Парень похлопал по дивану рядом: «Падай.»

Лина села.

— Почему ты скрываешь покушения?

Парень откинул голову на боковину и сполз ниже по дивану.

— Если авторитет и несгибаемость лидера под вопросом, то это проблема. Учащаются нападения, народ перестает слышать приказы без нажима. Приходится управлять, применяя тиранию и угрозы, многих ставить к стенке, некоторых показательно казнить. Я этого не люблю. Лидер должен быть апатичен и бессмертен. Тогда половина проблем отпадает сама. Иначе всегда есть шанс совершенствовать систему угрозы. Сейчас у меня есть запас по времени вычислить заказчика и устранить их и это почти мне ничего не стоит во внутреннем пространстве. Понимаешь, о чем Я?

Девушка кивнула.

— Граф, в нашу сторону идет Лита. Она уже в коридоре.

— Твою мать Ася. Кто её пропустил?! Блокируй дверь в комнату! Вызови Льва, или управляющего сейчас же.

В этот момент резко распахнулась дверь, а потом только

щелкнул замок на открытой двери. В проеме стояла миниатюрная девушка. На ней было белоснежное пальто с меховой оторочкой, белые ботфорты по ноге выше колена на высоком каблуке и платформе с большими бусинами стразами по боковому шву, ярко красное платье с глубоким декольте почти до пупка по фигуре, на шее намотана золотая цепочка в четыре нити и крестик из камней. Яркий макияж оттенял серые глаза. Помада ярко красного цвета. Длинные белые волосы, ниже талии подняты по бокам гребнями назад. В руках девушки был шарф и перчатки. Губы она поджимала и смотрела на Лину.

Этот смертельный взгляд Алина знала. Ревность — одна из самых жестоких ведущих эмоций. Внутренне она одновременно сжалась и расслабилась. Просто понимала, что проигрывает этой красавице. Фигура девушки не подразумевала ни единого лишнего сантиметра. Женственность подчеркнута всеми способами. Такой образ хотела от неё мать с самого детства. Её сестры, рожденные уже в Секторе, почти все были такие.

Граф встал между ними и раскрыл руки в пригласительном для обнимашек жесте. Девушка улыбнулась, глядя на этот жест и процокала прям к нему, пытаясь выглядывать на Лину.

— Лита я тебя не ждал на этой неделе. Или Я ошибся?

Голос мужчины стал вкрадчивым. По спине Алины прошелся холодок. Эту интонацию применяли все её братья пе-

ред тем, как начать скандал.

Девушка поцеловала парня в шею, обняла за талию и надула губы.

— Я при ней не буду это обсуждать. Ты говорил я твоя единственная. Ты опять меня обманываешь!

Парень аккуратно отстранил девушку и кивнул на диван.

— Я что-то обещал? Это претензия?

Блондинка выпрямилась, как струна. В воздухе повисло напряжение.

В комнату вошел высокий спортивный парень и Вики с разносом. Оба невозмутимо поздоровались. Вики выкатила внутренний столик и стала сервировать стол на двоих. За ней вошли парни в костюмах и принесли еду. Лина поняла, что очень голодна и молча пошла к столу тягать, что принесли. Высокий парень еле заметно улыбнулся и подошел ближе к столу. Вики разложила приборы и направилась в сторону двери.

— Ещё может что-то нужно?

Граф улыбнулся в её сторону:

— Спасибо Вики. Дальше мы с Вовой справимся.

— Мне кофе с пенкой и шоколадом, Вики, — с нажимом проговорила блондинка.

Секретарь перевела взгляд на Графа.

Он кивнул.

Девушка вышла.

Лита скинула пальто на рабочий стул. Туда же перчатки

и шарф. Она подошла вплотную к босой Алине и оценивающе прошла по её виду. Лина стояла в футболке размеров на пять больше и спортивках, босая. Волосы, спутанные в распушенной косе, болтались за спиной. Ростом Лина была выше почти на голову, сейчас, благодаря каблукам Литы, этого было не видно.

— Вова помоги гостье сесть. Эля отойди от неё, не зли меня.

Голос Графа был всё так же холоден. Девушка вспыхнула и не сдержалась:

— Ты меня больше не любишь? Ты меня променял на… ЭТО!?

— Это …и по роже съездить может мадам, — раздалось со стороны Алины. Она спокойно жевала стащенный с подноса кусок мяса и держала в руке петрушку.

Между девушками встал Вова. Он поставил кресло перед Линой и кивнул предлагая сесть. Та молча села и продолжила таскать мясо с общего подноса. Парень улыбнулся и остался между девушками.

Граф подошел вплотную к блондинке:

— Я Тебе НИЧЕГО НЕ обещал. Я никому ничего не обещаю. Если Ты хочешь предъявить Мне что-то за моё поведение, то лучше сразу уходи. Вики даст тебе расчет по содержанию. Объяснять тебе что-то я не буду. Ещё что-то хочешь сказать?

Девушка демонстративно заплакала:

— Ты говорил, что я никогда не пересекусь с твоими… твоими… твоими «шалостями»! Что ты оградишь мои нервы от этого! Я знаю, что ты не умеешь любить! Но Я… как же Я?! Я люблю тебя! А ты привел это чудище и уже весь город обсуждает что она тут живет неделю! Неделю в ТВОЕЙ комнате! Даже Я остаюсь лишь на ночь! И то не всегда! Аааайййй…

В этот момент ей прилетел подзатыльник от подскочившей Алины. Вова сделал шаг назад и отступил. Граф громко выругался матом. Лита развернулась и отвесила пощечину обидчице, та в ответ схватила её за шею и с размаха ударила кулаком в челюсть. Девушки упали. Алина сидела сверху и держала одну руку на горле противницы.

— Меня зовут Алина. Можешь звать меня Ли, Лина, Аля. И никак иначе. А еще лучше вообще не обращайся в мою сторону. В следующий раз я сломаю тебе нос. Я здесь всего пару дней.

С этими словами девушка встала и прошла обратно к креслу, затем продолжила трапезу.

Блондинка закрыла руками лицо и плакала. По губе текла кровь. Граф помог ей подняться и усадил на диван.

— Вова я тебя уволю на хер! Ты же стоял между ними.

Парень кивнул.

— Шеф это баааа… рышни. Опасно между ними лезть. Я автоматически отступил. Больше не повторится!

— Уж я надеюсь. Ася! Пусть Вики льда принесет! Два!

Повернулся к Лине:

— Не делай так.

Она кивнула.

— Не могу обещать и не буду. Не люблю, когда меня оскорбляют. Меня не так воспитывали чтоб каждому в угоду идти!

Глаза парня блеснули.

— Но я постараюсь, если Ты обещаешь объяснять своим дамам что наши с тобой дела не их ума дело. А Я не их забота.

Граф подошел вплотную.

— Не зарывайся. Ты на Моей территории! То, что Я твой должник может быть и проклятием!

Девушка дожевала мясо и встала во весь рост вплотную к нему. Подняла глаза в его и почти прошипела:

— Подавишься. Я тебе не твои девки. Вызови мне водителя, кого ты там обещал для неё, и Я оставлю тебя зализывать раны «любимой» женщины!

Аля отпихнула парня и попыталась пройти мимо него. Он схватил её за руку и грубо развернул к себе. От рывка девушка по инерции налетела на него. Боль пронзила всю девушку с головы до ног. Она шумно выдохнула и зажмурилась. Граф замер тоже. Он только сейчас понял, что держал её за порез и дернул за ту руку, где травма плеча. Под его пальцами проступила кровь, суставы пальцев побелели, затем покрылись проступившей кровью, скулы окаменели. Девушка пошатну-

лась и уткнулась ему в шею, глубоко дышала и молчала.

— Вова проведи Элю в основную комнату. В моей спальне слишком много гостей эти дни. А еще лучше проведи её до дома. Она уже уходит. У нас назначена встреча на вторник если я не ошибаюсь. По пути завези её в магазин, пусть купит себе что-то. Сумму ты знаешь. И проследи, чтоб Вики запаковала её кофе с собой.

Лита подошла к парню и уже открыла рот чтоб что-то сказать, но замерла, глядя на кровь, стекающую с его кисти между пальцев, сделала шаг назад. Потом развернулась и быстро вышла. Владимир вышел следом и прикрыл дверь. Замок предательски громко щелкнул в наступившей тишине.

Граф чувствовал пульсацию и теплоту крови под своими пальцами. Он аккуратно разжал руку и опустил.

— Прости меня. Я вспыльчив. Со мной так никто не разговаривает. Не привык.

Девушка молчала и не шевелилась. В её голове роилось слишком много эмоций и мыслей. Она не готова была к вспышке боли, подавить приступ не получилось. Да и не получилось бы потому что блокатор работает при определенной концентрации, а Алина в тот момент была расстроена и зла одновременно. В тот момент она поняла, что ревнует этого незнакомого ей парня. Это осознание так обескуражило, что девушка не смогла совладать с эмоциями и сорвалась… впервые в жизни. С ним всё было впервые. Её успокаивал его запах, не запах парфюма, а его собственный. Его голос

отзывался внутри неё странным эхом. Она замечала, как его глаза меняют цвет от настроения, слышала тон его настроения в голосе. По движению тела видела, что ему больно, потому что, вытягиваясь в полный рост он немного заваливал тело чтоб не стоять как вытянутая стрела. Её собственное тело и разум предали её. Она чувствовала себя оборванкой в сравнении с блондинкой. Неотесанной деревенщиной, как её иногда звала мать. И все эти эмоции раздирали изнутри. Слезы просто потекли из глаз.

Лина не почувствовала, как парень отпустил её. Не почувствовала, как аккуратно прижал к груди и обнял двумя руками.

Граф гладил её по голове и немного качался из стороны в сторону. Он чувствовал, что она плачет и не знал, что сказать. Литу он бы выставил из комнаты и заставил привести себя в порядок. Потом бы отправил с водителем в магазин и забыл. Только с этой девушкой что-то было не так. Что-то отзывалось внутри него, и он понимал, что ему надо просто её отпустить пока всё его существо не решило, что она тоже его собственность.

Он давно делил людей на две категории — моё и не моё, и не задумывался об этом. Первый раз в жизни он понял, что не хочет слепого повиновения, он хотел получить её всю, по её воле. Всю …до кончика упертого носа. Его поражала её наивность и решительность.

Девушка стала шмыгать носом. Аккуратно отстранилась

и подняла глаза на него.

— Это было очень больно.

Он кивнул.

— Я понял. Пойдем сядешь. Надо оценить не нужен ли тебе Док.

Девушка показала ему свою ладонь в крови:

— И тебе. Кажется, ты умеешь причинять боль одновременно и себе тоже. Ты схватил меня больной рукой, на спине кажется разошлись швы.

Граф нахмурился.

— Я даже не понял этого. Но по части боли и безразличия — это точно ко мне. Идем.

— Граф у тебя встреча, машина уже внизу ждет. Привет Лина, тебе нужно расчесаться.

Девушка улыбнулась возникшей проекции, а Граф нахмурился.

— Ася напоминай мне минут за десять в следующий раз. Черт. Лина посмотри спину, что можно экстренно сделать, — и размашисто прошелся до шкафа, скидывая на ходу кобуру и рубашку.

Девушка взяла спреи для снятия и нанесения и аккуратно обработала рану.

— Швы на месте, просто края разошлись. Я нанесла более густую пену, если не будешь активничать думаю не пропитается. Какой период нужно перекрыть?

Граф пожал плечами:

— В лучшем случае часов до десяти вечера. Это важная встреча для Обители и моего будущего.

— Может соорудить что-то типа повязки сверху? Под рубашкой и кобурой не будет видно.

Парень кивнул.

Девушка быстро перемотала плечо через торс и закрепила. Помогла надеть рубашку и кобуру, застегнула запонки. Помогла с пальто. Поправила автоматически растрепавшиеся волосы и сделала шаг назад оглядеть вид.

Парень рассмеялся.

— Кажется я понимаю почему мужчины держат при себе кого-то в доме.

Лина вспыхнула.

— Что б было тепло и уютно наверно?

Парень рассмеялся в голос.

— Нет, чтоб им постоянно нервы трепали перед встречами… и поправляли волосы и одежду.

— Простого спасибо будет достаточно. Я так и братьев провожала, когда в пансионат вернулась в этот город…

— Ну откуда вернулась я потом расспрошу. Я пришлю Дока, он посмотрит твоё плечо. Не выходи отсюда пожалуйста. О тебе знают лишь по сплетням, но это и была наша цель. Это для Твоей защиты, не просто моя прихоть.

— И брата пришли. Я свой телефон не вижу. Меня наверно ищут. С ним же я могу выйти?

Граф кивнул и вышел. Вернулся через минуту. Он стоял

с задумчивым видом уже обутый.

— Спасибо.

Лина подняла бровь.

— За то, что ты сейчас просто прикусила язык, смирилась и даешь уйти мне спокойным и уравновешенным.

Девушка кивнула.

Граф размашисто прошагал к ней, крепко взял за талию и прижал к себе, как раньше, второй рукой притянул за затылок и поцеловал.

— Думал об этом еще со вчера.

Парень так же внезапно развернулся и ушел. Двери за ним тихонечко щелкали. Ася закрывала замки.

Проекция появилась вновь.

— Я вызвала Дока и Павла. Так же придет Вики уберет всё со стола и накроет для тебя одной. Я провела анализ того, что ты таскала с подноса (ассистент хихикнула) и сделала заказ на основании наблюдения. Так же она принесет вещи по твоему размеру. Единственно Я заказала три комплекта, я не знаю твоего вкуса, я могу лишь анализировать и считывать пожелания. Выбери какой стиль подойдет.

Алина села на диван и поджала ноги под себя. Мысли покинули голову.

— Хорошо. Спасибо.

— Это моя работа. Но… пожалуйста.

Проекция кивнула и пропала.

Через пол часа пришел брат и врач. Они смеялись и что-то обсуждали. Паша обнял сестру, покрутил её из стороны в сторону и нахмурился.

— Что? — глядя в глаза спросил брат.

— Ничего, просто не по себе.

Брат нахмурился.

— Врать мне? Это что-то новенькое. Потом поговорим. Что с рукой? Док у неё кровь проступила.

— Это мы посмотрим сейчас и поправим. Я вообще удивлен что она не лежит в постели и не просит обезбола, учитывая её… вчерашние приключения. Прошу ударить на слово ВЧЕРА! Ей нужно лежать и считать трещинки в потолке. Её уровень свертываемости и заживления удивителен.

— Это у нее с детства доктор. Всё нормально.

Паша и Алина переглянулись.

Врач снял повязки с руки, долго разглядывал смещенные скобы и подтеки, но лишь качал головой и помалкивал. Затем посмотрел ногу и перешел к плечу.

— Ну тут ожидаемо. Обожженные капилляры не кровят. Рана чистая. Думаю, пару недель и останутся красивые шрамы… Я все обработал. Аккуратнее с рукой девочка. Ты за что-то зацепилась… скобы съехали, поэтому кровит. Но твоя скорость заживления, еще раз скажу… ни-ко-г-да такого не видел! Давай сделаем анализ?

Лина покачала головой и отстранилась.

Паша подошел вплотную и посмотрел на руку девушки.

Она высвободила её и прикрыла рукавом футболки.

— Объяснить ничего не хочешь? Домой тебе не пора? Не то это место, где можно проявлять неаккуратность.

Девушка покачала головой.

— Это моё решение. Спасибо Док. Пашка ты или просто будь рядом или уходи.

В комнату вошла Вики.

— Мы накрыли в основной комнате стол. Добавить приборы для гостей? Вещи сейчас внесут. Мужчины удалитесь отсюда, Вы же закончили?

Док кивнул и ушел. Брат обернулся в дверях.

— Я жду тут, — и вышел.

В комнату вошла девушка необъятного размера с высокой объемной прической в ярко желтом костюме. На носу у нее были огромные очки. Из прически выпадали крупные вьющиеся локоны. Девушка была выше Виктории на пол головы и чуть выше Алины. За ней въехали стойки с одеждой, спрятанной в чехлах. Их везли подростки — мальчишки. Они расставили всё вдоль галереи, открыли гардины и ушли в основную комнату.

Вики тоже ушла.

Девушка обошла Лину несколько раз, хмыкнула и подошла к одной из стоек.

— С размером однозначно угадали. Граф распорядился ничего броского. Джинсы, рубашки, футболки, пальто, свитера. Меряйте всё. Если есть пожелания мы заменим и при-

везем. Если нравится всё — оно Всё Ваше. Так же там лежит новый телефон в упаковке, номер сообщите Асе — она подключит его и настроит. Это подарок взамен старого.

После этого девушка кивнула и ушла, прикрыв дверь.

Алина долго не выбирала. Натянула джинсы и футболку. И босая вышла в основную комнату.

Паша сидел на диване в центре с тарелкой полной мяса и овощей. Рядом стоял бокал с виски.

Девушка подошла к столу, набрала тарелку мяса, взяла блюдо с овощами и поставила в центр возле дивана, вернулась за бутылкой шампанского и бокалом и села на полу рядом с братом скрестив ноги.

— Спрашивай, я вижу, что тебя распирает… но не забывай Где мы… и что тут ничего не остается меж двоих.

Девушка кивнула на светящиеся датчики ассистента.

Парень кивнул и наклонился к лицу девушки:

— Какого хрена ты тут делаешь в самой гуще этого бедлама?! Ты вообще в своём уме с кем связалась?!

Девушка усмехнулась:

— Я ожидала этих слов от кого угодно Рыжик, но если это говоришь мне Ты, даже не представляю, что скажут остальные…

— Остальные?!! Да Дьяк и Федя разнесут тут всё по кирпичику. Что с рукой?! Ты думаешь я идиот и не пойму, что нельзя «случайно» напороться на мужскую пятерню?! Твой язык должен сидеть за зубами, особенно если ты связалась

с человеком, который на завтрак ест младенцев! Ты понимаешь вообще куда попала?

— Так расскажи! Ты мне говорил, что в группе уборки, чистильщик. КОГО твоя группа чистит? При имени Дьяка даже у Графа скула дернулась. Мой брат нестабилен это мы все знаем, отметка детства. Но так чтобы о нем знал самый верхний шеф? Кем работает Федя? Вы МНЕ будете читать нотации? ВЫ?! Я ничего плохого не сделала!

— Ты убила человека! Лина твою мать это не считается по-твоему?

— Я защищалась!

— Не пришлось бы слушайся ты! Первое правило о черных номерах?! И с каких пор убийство для тебя не в счет если оно защита?

— Паша иди на хер! Ты САМ черный номер! А если бы тебе нужна была помощь?! Если бы Ты был в той машине?! Или Федя? Дьяк!?

— Мы не заслуживаем жить Лина. Это те риски, на которые идут все, кто получает компенсации и большие деньги. Секреты и порядок дорого стоят запомни! Твой отец должен был вдолбить тебе это.

Девушка открыла бутылку шампанского, налила в бокал и выпила.

— Все заслуживают жить Паша. Нет плохих и хороших. Мы все можем быть по обе стороны. Зависит от ситуации. Тот человек хотел меня убить. Я не смогла выстрелить, мне

пришлось защищаться. И не приплетай моего отца сюда.

Парень откинулся на спинку дивана.

— Пистолет данной модели разблокируется кодом ДНК, у него нет предохранителя. Это были профессионалы. Выжившие даже на допросе долго молчали. Из них вышел минимум информации, и то при включении профессиональных средств …разговора.

— Пытки?

— Я этого не говорил.

— Ты и там полы моешь что в курсе?

Парень встал и взял бутылку с виски. Сел рядом с девушкой на пол плечо к плечу. Обнял ее за плечи и прижал к груди.

— Я испугался за тебя. Я боюсь и сейчас. Ты понимаешь, что твой «метаболизм» привлекает внимание? Ты сама привлекаешь внимание. Так всегда было. Ты одновременно незаметная и яркая девочка. Ты растворяешься в толпе и остаешься в памяти неизгладимо. Я прошу тебя уходи отсюда, беги от …него. У вас… между вами …ничего …не было?

Девушка улыбнулась.

— Он приличнее вас.

Парень улыбнулся и налил виски по бокалам.

— Думаю он не в восторге от совей прилежности, но спасибо ему за этот шанс для тебя. Кажется, он мне сейчас стал нравится больше.

Лина молча выпила виски и налила шампанское.

— Я ему не нравлюсь просто.

Паша громко рассмеялся.

— Нравишься. Просто ты ставишь в ступор даже нас. А мы знаем тебя долго. Он привык к другим женщинам и к другому… вниманию от них. И пусть это так остается я прошу тебя.

Алина посмотрела ему в глаза:

— Кажется он мне нравится. Он меня бесит и радует одновременно. У него такие интересные глаза. И голос. И он не такой, как вы думаете. Он внутри другой. Я чувствую. Разве так бывает между людьми, если знакомы всего день?

Паша громко выругался. Налил бокал и выпил залпом.

— Аличка… девочка… ты слышишь, что несешь? Просто он первый встречный на твоем неопытном пути, и готов биться об заклад он понял это. НО только не он, пожалуйста. Он не просто разобьет твое сердце, он его разложит на атомы… Ты думаешь Элита его единственная девушка? Она просто постоянная, а таких много. Бешеного пса не перевоспитать!

— А дед с бабой считали, что перевоспитать и приручить можно любого пса! Поэтому Вы все не на псарне росли!

— Лина твою мать! Он рос на псарне! Его продала собственная мать в яму! Ты знаешь, что такое ЯМА?! На нем тренировали псов для загона добычи! И он ВЫЖИЛ! Он поубивал бойцовых генномодифицированных псов! Потом выжил в тренировочном центре, где стал лучшим. Ты знаешь,

ЧТО это значит?! Он не просто убийца, он профессионал! У него холодная голова, он расчетлив, агрессивен. Он самый молодой Граф во всей системе Черных! Он психопат, что вполне ожидаемо. У него впереди командорство и очень высокие посты. Он не женится, не заведет детей, никогда не будет твоим, не даст тебе всего себя, ты не будешь единственной… НИ КО Г ДА! В его мыслях всегда будет что-то еще… или кто-то. Он будет уходить и пропадать на года! А ты будешь ждать… и принадлежать ему полностью! И принадлежать в смысле, как вещь. За тобой будут следить, сопровождать, контролировать. Это не тот тип парня, который просто так отдаст что-то. Я умоляю тебя, уходи. Я не хочу, чтоб твоим первым парнем был такой мужчина…

Лина встала и подошла к окну.

— Какой Паш? Преданный? Тот, кто горит всем сердцем в этот миг? Верный самому себя и своим убеждениям? Сильный? Развитый? Умный? Да чего уж там — красивый? Я не в его вкусе повторю. Так вышло что нас свел случай. И не говори мне про контроль, пожалуйста. Меня всю жизнь контролируют. Вы, отец, учителя. Ты же сам всё знаешь. Каждый мой шаг отслеживается. Завтра-после завтра я уйду отсюда. Ему нужно прикрытие для того, чтоб его оставили в покое хотя бы в его мирке. У него раны не заживают так быстро.

Парень громко хмыкнул:

— Они НИ у кого НЕ заживают как у тебя. Мы оба это знаем. И причину почему. И это, кстати, еще одна из причин

уходить отсюда. Просто тебе для размышления — почему он не спрятался тут с Элитой? Да любая бы была рада быть тут. Где гарантия что Ты не подставная?! Ты знаешь Кем работает тут Федя? Тебя должны были к нему доставить, для установления правдивости, и выяснения кто ты и откуда. Странно что он еще не тут и не раздает нам обоим поджопников. Это очень всё плохо…

Девушка снова села рядом.

— Пашечка, милый, братик мой. Я не могу. Просто пойми меня. Я хочу побыть тут. Покажи мне этот мир. Я никогда не была в таких местах. Я же вообще ничего не видела. Может основная то проблема что вы слишком сильно оградили меня от всего? Мать держала меня в доме, или закрытом пансионате, отец постоянно таскал по центрам, где был тотальный контроль и тренировки. Дайте мне дышать. Я жить хочу. Я жила только те пару лет с Вами в деревне. Только там я могла просто быть… и то всегда кто-то был рядом. Я в туалете и то не всегда одна черт вас всех задери!

Парень задумался.

— Мы обсуждали это с парнями. Твоя наивность и ограниченность действительно наша общая вина. Но это не плохо. И это твоя отличительная черта. Хочешь что-то увидеть в Обители?

Девушка улыбнулась.

— Всё! Я хочу посмотреть, как оно вообще устроено тут — быт, отдых, может изнутри казино, или бар. Можно?

Парень убрал волосы за ухо у девушки и улыбнулся.

— Тебе всё можно.

Девушка быстро надела новые вещи, схватила обувь из коробки, сапоги до середины щиколотки по ноге и новый телефон.

— Ася, подключи телефон к моему номеру. Я его включила.

Проекция появилась перед девушкой. Сделала вид что дотрагивается до телефона и громко сказала:

— Абра кадабра телефон оживай!

Лина рассмеялась в голос, проекция улыбнулась. На телефон стали поступать сигналы о пропущенных звонках и посыпались сообщения.

Проекция вопросительно подняла бровь:

— Не забудь на прогулку браслет что тебе вручил Граф… Даже гуляя с этим молодым человеком. Ты еще вернешься?

— Конечно Ася, до встречи!

Девушка радостно пошла по коридору. По пути она смахнула оповещения с экрана телефона и включила беззвучный режим. Паша просто покачал головой и натянул балаклаву на лицо при выходе из комнат.

Девушка остановилась:

— Ты не можешь ходить как Паша со мной?

— Нет. Я же на работе. И моя должность должна защищать мою идентичность. Пусть все считают, что я из сопро-

вождения.

День пролетел за одну секунду. Девушка посмотрела быт в Обители и поняла, насколько налажен механизм внутри системы. Тут не многое отличалось от того, как распределялось в Секторе. Все те же корпуса для тех, у кого семья на постоянном проживании, казармы для холостых. Корпуса для свиданий. Инфраструктура детского воспитания находилась в отдельном районе. Укрепы были жестче, чем даже на корпусе Графа. Женские корпусы находились максимально приближенны к детским и в отдалении от развлекательных. Везде присутствовала охрана. На гуляющую девушку в черном и сопровождающего никто не обращал внимания.

— Стоять!

Кровь застыла в жилах девушки. Брат встал перед ней.

К ним направлялось двое вооруженных парня. Оба выше 185, широкоплечие. На ногах в ножнах поблескивали тесаки. Кобура свисала на бедро, через плечо автоматы. Броня и костюмы дополнили образ. В отличии от нашивки Рыжика с красной каймой их шевроны были почти полностью красные.

— У тебя есть двадцать секунд, солдат, объяснить какого хрена эта заноза делает в этом месте в твоем сопровождении, а не в пансионате!

Черные глаза блеснули из-за плеча на девушку. Серые у второго парня улыбались.

Девушка обошла парня:

— Федя я всё…

Парень поднял руку и сделал жест закрыть рот кистью.

— С тобой Я поговорю вне этих стен! Вечером.

Девушка встряхнула головой и топнула ногой.

— Нет не поговоришь!

Она подняла рукав рубашки, вытащила браслет и громко сказала:

— Указание Графа оказывать содействие Мне! Будьте добры проведите меня. И взяла за руку Пашу.

Парень с черными глазами перекрыл дорогу и зарычал. Парень с серыми усмехнулся и встал между ними. Поднял руку в сторону второго:

— Я сам проведу даму в башню. А этого забери с собой. А то Вы сейчас устроите цирк прям посреди улицы. Федя иди я сказал, не накаляй!

Он согнул руку в локте и подмигнул:

— Мадам? Не прогуляетесь ли с мной?

Девушка кивнула и аккуратно положила руку на локоть. Обернулась на парней и показала им язык. Паша подмигнул. Её потянули в сторону от остальных. Через маску было слышно, как он смеётся.

— Ты находишь смешным это Дьяк?

Парень кивнул. Девушка залилась краской.

— Может объяснишь?

Парень помотал головой и продолжил путь. Лина шла молча какое-то время.

— Федя не сцепится с Пашкой?

— Вполне возможно, конечно. Когда речь о тебе он непредсказуем. Но думаю, что нет. Паша тоже не робкий малый, ты его просто не знаешь с этой стороны.

Девушка кивнула.

— Я, кажется, не знаю вообще ни одного из Вас.

Парень остановился и развернулся лицом. Его серые стальные глаза перестали улыбаться. Он склонил голову на бок и произнес:

— Ты единственная знаешь нас. Тех нас, которые живут глубоко внутри. Не выдумывай. И пока мы идем я слушаю… пока ещё слушаю… версию, ТВОЮ, попадания сюда. Идем.

— Мы идем не в сторону башни.

— Я знаю. Я хочу познакомить тебя со своей девушкой.

Лина остановилась и улыбнулась.

— С кем???

Парень кивнул.

— Я все еще слушаю и ничего не слышу. Мне важно твоё мнение, но она почти не выезжает в город, а сюда привозить тебя мы не планировали… это опасно… для таких как Ты.

Девушка кивнула. И стала рассказывать все честно с самого начала. Парень слушал, местами кивал и хмыкал. На моменте стрельбы он замедлил шаг. Потом продолжил путь. Девушка рассказала всё, утаив про Элиту и аспекты симпатии.

— Лина я не буду читать тебе лекции про опасность. Про

смерть думаю ты и сама поняла… вчера. Подробнее поговорим дома, но я в принципе ожидал что ты сможешь позаботится о себе. Док врач проверенный поэтому раны осматривать не буду. Читать нотации о том, что ты по самые уши встряла думаю тоже не стоит. Федя пошумит и, когда страх за твою жизнь отпустит его, он остынет. Ты мне лучше расскажи ту часть, где в которой Граф тебе браслет надевает и за какие услуги.

Парень опять хмыкнул. Девушка стукнула его локтем в бок.

— Ты сам-то веришь в это? Я и Оон. Я не в его вкусе.

Парень громко рассмеялся. Гортанно.

— Какая ты наивная всё же. Я парням говорил, что тебя надо бы просветить в этом плане.

— Дьяк я про секс знаю.

— Я не про секс маленькая. Я про эмоции. Они очень страшные. Для нас. Для таких как мы, ты и я. Для тех, кто имеет свои взгляд на бытие и у кого нет четкой веры в систему. Так было у тебя? С ним?

— Боже говорю же нет!

Парень развернул девушку лицом и посмотрел в глаза.

— Повтори!

— Нет Дьяк! Ты попугая во мне видишь?!

Парень продолжил шаг.

— Будь я зачислен в святые если ты этого не хочешь.

Девушка промолчала.

— Аля говори. Я не умею читать мысли. Я их умею выбивать, а к тебе это не применимо.

— Я не в его вкусе, повторяю. Пашка сказал вообще, чтоб я держалась в стороне от Графа.

— Повторяю — ты в Его вкусе, как и в большинстве парней, у которых есть глаза. И я, в отличии от Пашки, считаю, что Граф отличная партия для тебя. И для постельных опытов тоже.

Девушка резко остановилась. Парень засмеялся в голос.

— Ты серьезно?

— Да маленькая, я серьёзно. Ты много времени провела среди сильных отбитых на голову парней в том возрасте, когда формировался взгляд на мир. Ожидаемо что тебя тенет к таким. Ты росла почти в тюрьме и тотальном контроле. Твоя клетка ярче и больше, чем наша, но в ней более строгие законы. Эти крысы в пансионатах, брррр, даже у меня в банде такого не творили. А твой характер… думаю ни один из нас не понимает всю глубину твоего одиночества и тьмы. Но я поддержу тебя в этом поиске. А Граф… думаю он сможет принять тебя и держать в узде. Не в обиду тебе, малая. Но вот защищать себя надо бы научится. Мы пришли.

Девушка подняла глаза чтоб осмотреться. Они стояли перед одноэтажным прямоугольным строением типа барака. Таких было около сорока штук вокруг. Расстояние между домами было порядка пяти метров. Никаких заборов или ограничений. Только общий забор по периметру. Маленькие

окна, крыша с одним скатом. Серая коробка.

Дверь открылась автоматически при приближении мужчины. Тяжелая, укрепленная бронированная дверь бесшумно сдвинулась. В небольшом коридоре мужчина снял шлем и балаклаву. Взъерошил примятые короткие волосы. Улыбнулся сестре. Скинул куртку, снял бронезащиту и ботинки.

— Вот теперь иди нормально обниму тебя. Сколько мы не виделись?

Аля прижалась к парню. Он знакомо пах и от него веяло спокойствием. Серые стальные глаза искрились теплотой.

— Это кто?

Сзади послушался робкий негромкий вопрос. Лина обернулась и увидела невысокую девушку с распущенными волосами до плеч. Раскосые светлые глаза, маленький вздернутый нос, тонкая фигура выдавали в девушке азиатские корни. На девушке было простое серое платье — туника. На ногах носки.

— Вита — это моя сестра Алина, Алина — это Вита — моя девушка.

Девушка недоверчиво посмотрела на Лину. Та в свою очередь широко улыбнулась.

— Я думала ты старше, — тихо заключила Вита.

Лина улыбнулась и стала сняла обувь. Потом скинула пиджак. На руке блеснул браслет. Девушка перевела взгляд на парня.

— Не спрашивай. Это не наше дело. Что пожрать?

Лина пнула брата под ребра и засмеялась.

— Марфы нет на тебя демон.

Вита пригласила в дом. Коробка была на три спальни и большую кухню — гостиную. Туалет и ванна совмещенные. Крошечная ванная больше напоминала корыто. В остальном в комнатах было уютно. На полу лежали ковры, по стенам развешаны кашпо с живыми цветами. Почти весь интерьер в серых тонах и минималистическом стиле.

Вечер прошел тихо. Вита приготовила простую домашнюю еду: хлеб, кашу, мясные отбивные и салат из фасоли и огурцов с одуванчиками. К чаю предложила пирог с джемом из розы и творогом. Девушка рассказала, что живет в Обители с момента смерти родителей. Они погибли при столкновении с соседними поселениями. Отец работал в охране, мать пекарь при башне. Сироте выделили корпус сразу после смерти, ей не нужно было жить в женских бараках. Обучение профессии она взяла по матери и с тех пор живет тут.

Дьяк весь вечер смеялся и шутил, помогал накрыть стол и убрать с него. Он постоянно целовал девушку в макушку и говорил что-то ласковое.

Лина никогда не видела, чтоб её брат кого-то так оберегал кроме членов семьи. Даже по отношению к ним он не всегда проявлял такой теплоты. А тут ровный спокойный голос щекотал уши, разговор постоянно прерывался раскатистым смехом. Его глаза сияли и это радовало сестру и заставляло думать про его слова о Графе…

В коридоре раздался звонок. Дьяк молча встал и вышел. Разговора девочки не слышали, но вернулся он, уже натягивая броню.

— Пойдем малая, у меня смена, а тебя я закину в башню по пути.

Уже на выходе парень поцеловал свою девушку и молча вышел. Перед домом стоял Лев у машины. Он кивнул камуфлированному парню и открыл дверь перед девушкой. Позади машины стоял микроавтобус.

— Это тоже лехус?

Мужчины громко рассмеялись.

Брат подтолкнул девушку, пожал руку Льву и пошел в другую машину. Транспорт разъехался в разные стороны.

Машина проехала мимо башни и устремилась на выезд. Девушка постучала по плечу впереди сидящего.

— Лев?

— Пора домой девочка. Спасибо за всё. Там два пакета рядом с тобой — это твои вещи и всё что Граф просил передать. Его не будет больше недели поэтому он сказал отвезти тебя куда скажешь. Если что-то понадобится или нужно сейчас скажи мне, или напиши… позвони, мой номер в твоем телефоне.

Девушка кивнула. Слезы сами наполнили глаза и непроизвольно потекли. Правда это или нет. Но места и в Обители ей не нашлось. Она сняла браслет и протянула его Льву. Тот надел ей его обратно и подмигнул.

— Это твоё. Он хотел, чтоб он остался у тебя. Ты всегда можешь прийти в гости, когда захочешь, когда он будет … дома. Поэтому тебе понадобится эта вещица. Лина так надо. Это всё, что я могу сказать.

Девушка опять кивнула.

— В этом месте сбой синхронизации.

Лина сидела рядом с парнем, который больше не был тем мальчишкой. Он смотрел прямо в глаза.

— Где мы?

— Мы в моей памяти.

Парень встал и огляделся. На нем был черный костюм, черная рубашка и галстук.

— И зачем мы тут?

— Там во внешнем мире случилась неприятность. Мы не можем восстановить твои воспоминания. А без них не будет тебя… в том виде какой ты есть.

Парень кивнул. Он сел напротив неё.

— Я не помню всего, но этот момент в моей памяти отложился по-другому, там было всё не так.

Девушка кивнула.

— Потому что это мои воспоминания и ощущения. Мой алгоритм. Ты вспомнил Асю? Можешь её активировать?

Парень кивнул.

— Ася выходи. Смотри кто тут.

Проекция девушки возникла, рядом скрестив руки. Лина

посмотрела на неё:

— Ася ты должна дать доступ моему ассистенту. Без твоих данных бессмысленно что-то строить. Его жизнь знаешь только ты по маркерам.

— Граф ты даешь разрешение на синхронизацию со сторонним ассистентом?

— Ася я так понимаю во внешнем мире ты можешь считать моё состояние и сказать мне надо это или нет?

Проекция кивнула и пропала. Через двадцать секунд возникла лицом к Лине.

— Почему я не могу получить доступ к его хранилищу и памяти? Его состояние физически полноценно, но что в голове?

Алина глубоко вздохнула.

— Ася с тобой тоже неполадки. Граф попал под удар нового оружия. Оно повреждает гибридные усовершенствованные организмы и почти уничтожают их за счет разрушения нейронных связей. Ассистент как ты понимаешь страдает в первую очередь. Ты ведь растешь вместе с ним и сортируешь память, чувства, ситуации. Мы не могли вызвать тебя автономно. Сейчас мне нужно чтоб ты провела его через мою память. И вместе с Улу восстановила себя и его. Ты никогда не могла меня считать, потому что у меня нет Ассистента в том понимании к которому вы привыкли. У меня стоит Универсальный Личный Управляющий. Эта система не влияет на мои функции. Основным владельцем себя являюсь я сама и

получаю доступ к расширенному функционалу ассистентов сторонних людей в определенных ситуациях. Мои эмоции, решения, память не доступны для корректировки, как у «активированных». Но это не столь важно сейчас. Ася? Ты поможешь мне?

Проекция исчезла.

— Ассистент дублирующего синхронизирован с пользователем.

Парень протянул ладонь:

— Вот и ответ. Поехали посмотрим, что там было дальше… с Твоей точки зрения.

Лина улыбнулась и взяла его за руку.

— Период восстановлен?

— Незначительно. Это кусок сильно раздроблен, верну в последнюю захваченную точку.

— Я не буду жить в пансионе мама я говорила тебе об этом еще год назад! Мне восемнадцать лет в конце концов, и я не под твоей опекой! Я устала от отношения ко мне как к надоевшему хомячку! Занимайся лучше очередной сестрой и её воспитанием, а от меня пожалуйста отстань! Поздно заниматься мной! И я не хочу приезжать к вам на день рождения! Да мама, я эгоистка, мне ничего в этой жизни не нужно кроме ваших денег и что там еще у нас в коллекции? Бестолковая, мужиковатая, не слежу за собой и кому я нужна буду. Кажется, весь перечень претензий?! Попроси отца перезво-

нить и не трепи себе нервы общаясь мной. Я кладу трубку!

Алина нажимает кнопку завершить вызов и кладет трубку на стол. Уже полгода как она не стала возвращаться в пансион. Первые месяцы снять жилье помогали братья. Их зарплата позволяла без хлопот дружно снимать небольшую квартиру недалеко от места учебы. На третий месяц ей пришла смс от отца с адресом и коротким сообщением: «Или ты живешь по этому адресу, или в Секторе.» Алина переехала в более просторную квартиру с хорошим ремонтом почти возле пансионата в охраняемой зоне. Вопросы с учебой отец уладил так же. Одновременно с этим на её имя открылся счет на личные расходы. Но теперь стабильно раз в неделю звонила мать и рассказывала, что так жить нельзя. Она была беременна в третий раз. Две младшие сестры родились погодками, третья была на подходе. Мать наконец почувствовала в себе родительскую нотку и занялась наставлениями старшего ребенка. Она постоянно говорила, что необходимо знать быт, что учеба не главное в этом мире, что в Секторе ей бы уже нашли достойного мужа и жили бы рядом одной большой семьей. Разговор завершался слезами что она не была хорошей матерью и хочет всё исправить, главное приехать к ней, и та сделает из дочери настоящую женщину, а не бледную тень…

Алину эти разговоры раздражали. Но если она не брала трубку и пропускала несколько звонков писал отец. А его предупреждения всегда достигали цели. Девушка знала, что

он не угрожает, он предупреждает и потом выполняет.

Жить в Секторе девушка не хотела. Ей хотелось свободы. Поэтому ритуал с звонками она стоически терпела, иногда огрызалась, иногда открыто кричала. Чаще просто слушала и принимала критику. После происшествия в Обители тема была закрыта для обсуждения со всеми. Федя пытался поговорить, но девушка ясно сказала, что обсуждать ни с кем ничего не будет под страхом прекращения личного общения и на этом обсуждения закончились.

Алина продолжила жизнь как ни в чем не бывало. До окончания пансиона ей оставалось три года. С позволения отца ей разрешили к домоводству добавить точные науки в более расширенном курсе. Учёба занимала почти всё время, выходных не предусматривалось, поэтому и скучать было не когда. А дома была готовка, уборка и сон.

Периодически в гости заходил то один, то второй, то третий брат. С ними она ходила по местным кафе и тусовочным. Они держали своё слово показать мир и оберегали одновременно…

Телефон звонил третий раз подряд. Беззвучный режим заставлял его прыгать по полу рядом с кроватью. Лина нащупала рукой устройство, смахнула ответить и сонно ответила:

— Слушаю.

— Дочь я знаю, что рано… или поздно. Все относительно.

Лина повернула телефон экраном к лицу. Номер не определился, но в видео звонке её ждал отец.

— Что-то случилось па?

— Не особо. Через пол часа машина приедет за тобой. Вещей не бери много, тут они всё равно не нужны… такие. Мать в больнице. Я хочу, чтоб Ты приехала на праздник. Держать дольше недели не буду. Но эту неделю будь добра к матери уж удружи.

Девушка молчала.

— Лина не спорь. Я устал. Время позднее, на работе завал. Я редко прошу тебя. Я иду на встречу тебе в твоих… начинаниях и почти не лезу в твою жизнь, как и обещал. Но и Ты мне обещала.

— Не продолжай па, я уже сползаю с постели.

— Хорошо, предупреди …балбесов. Чтоб не теряли тебя.

Девушка кивнула и хотела попрощаться, но звонок уже прервался.

Она сползла с кровати, написала смс Рыжику, и надев повседневную одежду спустилась во двор. Машина без номеров стояла у подъезда. Девушка молча села и закрыла глаза.

Путь к сектору она знала. Поездка на авто около пяти часов, потом перелет и она на месте. Девушка вспомнила свои первые недели жизни после активации.

На территории Сектора существовало зонирование. Частные семейные блоки находились в самых живописных частях. Блоки одиночек строились ближе к финансовым и производственным организациям. Они строились минимум в три этажа, в зависимости от регионов размещения доходи-

ли до стаэтажек. Рядом с жилыми блоками одиночек размещались центры отдыха и развлечений. Тут разнообразие было на любой вкус и категорию. Единственным условием одиночек была добровольная стерилизация. Тут жили те, кто не хотел иметь детей сознательно. Им давали шанс в виде нескольких лет для принятия решения и результат. Фертильные женщины в возрасте до 25 лет должны были иметь хотя бы одного ребенка. Наличие мужа не являлось обязательным. Женщина, выбравшая путь материнства получала заработную плату и льготы. Уровень оплаты подразумевал независимость от любых финансовых проблем для нее и её детей. Отчисления шли из общества одиноких, работоспособных членов Сектора. В случае осознанного принятия решения принять на себя воспитание и чужого ребенка женщина получала повышенные льготы и статусность.

Большое место занимали блоки охраны и тех, кто задействован в обеспечении безопасности и жизнедеятельности.

Сам Сектор находился под «куполами». Самые передовые технологии разрабатывались и внедрялись именно тут. Сектор жил скрытно и обеспечено относительно Черных и Красных, но поддерживал связь и работал со всеми. Единственные кто мог себе позволить открыто угрожать всему миру и вне его пределов находились именно в обществе так называемых «Секторов» — общества Белых.

Лина провела в центре активации почти полгода. В её организме вырастили специальных нанитов, обеспечиваю-

щих укрепление костного скелета почти до крепости металла, в её нервную систему интегрировали продвинутую систему управляющего и средств слежения и коммуницирования. Шрамы из детства и дефекты кожных покровов были удалены и исправлены. В её центре памяти были возможности, позволяющие не только связываться с родителями, но и вести запись снов. В её сетчатке искусственно вырастили цифровую сетку, позволяющую выводить информацию визуально без внешних признаков. Трансляция информации об окружающих появлялась как на мониторе компьютера с рядом стоящим человеком. Девочка могла делать пометки в своей голове и при обращении к тому или иному человеку они всплывали дополнительной информацией. Эти удобные функции имели ограничения в виде базы данных, нельзя было загрузить книгу и потом пользоваться подсказками. Аккуратный алгоритм позволял блокировать любые варианты использования не приобретенных и не выработанных навыков. Это защищало от людей возможности которых ограничивал их собственный разум. То есть если Вы постоянно читаете и заучиваете материал и ваш мозг его запомнил алгоритм поможет его выудить из нейронной памяти, а если вы прочитали одну книгу и в голове осталось пусто, то и алгоритм не сможет ничего достать из закромов.

Девочке постоянно кололи препараты, облучали, брали анализы и мониторили. Она стала самой молодой пациенткой для такой трансформации и это держалось в секрете да-

же от младшего персонала. Её постоянными спутниками была боль и слабость. Наниты дали способность к высокой регенерации и обостренным реакциям, но они работали при условии полной концентрации. Определенный коктейль гормонов в крови снижал их действие до базового залечивания ран. Родители приходили раз в неделю на пару часов. Дружить и общаться с другими детьми было нельзя из-за разницы процедур. Позже девочка узнала, что все активированные после процедуры проходят процедуру обнуления памяти, все болезненные воспоминания из центра стираются и человек начинает новую жизнь. В случае с Алиной процедура была другая из-за высокого статуса отца и более сложной системы.

Дружить в новой школе у девочки не получалось из-за неприятия самой системы миропорядка. Она не хотела быть просто женщиной, не хотела, чтоб её принуждали к выбору, не хотела быть под постоянным контролем. Отец мог видеть всё что видела девочка через её систему, даже сны перестали быть личными. Этот тотальный контроль вкупе с материнскими истериками сделали жизнь невыносимой. Мать запихивала девочку на всевозможные женские курсы, девочку учили стирать, шить, готовить, ходить, смотреть, дышать…

Она никогда не задумывалась что даже дышать можно неправильно — громко и с сопением, ходить можно как мужик, размахивая руками и делать шаг как у грузчика. Постоянными спутниками стали замечания: не смотри прямо в

глаза собеседнику — это агрессия, не шатайся из стороны в сторону при ходьбе ты не матрос, не бери вторую булку ты, итак, пышная, не прыгай — платье оголяет ляжки, этот велосипед мужской он с рамой, девочки не лазят по деревьям, девочки не слушают такую музыку, не читают эти книги, не выбирают такой цвет и стиль одежды…

Через три месяца нервы сдали окончательно.

В доме воцарила гнетущая тишина, прерываемая вздохами матери и стенаниями из разряда: «Я упустила время… это моя вина что ты совсем не воспитанная…» Девочка просто молча работала над собой, показатели на учебе стали падать, она стала замыкаться в себе. Как и любой ребенок, который хочет родительского признания она менялась и считала, что проблема в ней. Она больше времени тратила на учебу, больше старалась на занятиях, но эффект получался обратный.

А потом случилась беременность матери…

Мать стала планировать комнату для ребенка, вещи, курсы материнства, перебирать имена, изменила подход к питанию и стилю одежды, решила, что будет сама заниматься воспитанием и записалась в корпус материнства. И всё бы ничего, но Алина никак не могла понять, а где в этом всем место для неё? Почему её мать так изменилась для еще нерожденного ребенка и уже его любила… а её саму стремилась отдать в пансионы… не посещала курсы… не учила готовить любимые блюда…

Первый приступ агрессии случился внезапно.

Алина сказала отцу что ненавидит их всех, что никогда не будет старшей сестрой для их детей и если её не отпустят жить к деду, то она найдет способ испортить жизнь всем вокруг. Мужчина молча кивнул и сказал, что подумает, затем отвез подростка в отдельный дом при центре материнства.

Девочка высказывалась с уравновешенным хладнокровием. О том, что внутри бушевали эмоции, говорила полностью разрушенная комната и уровень стресса в крови, оповестивший отца о чрезмерном превышении в мониторинге.

Алину это устроило.

В течение недели она находилась в корпусе, где работали и жили женщины и дети. Своего рода система зданий, где дети учились, развивались и росли в заботе пока их не определяли в дальнейшие семьи. Сюда же попадали сироты для распределения. Патронажные семьи жили прям при корпусе. Они воспитывали своих и принятых детей. Тут же рядом находился медицинский центр женского и детского здоровья.

Лине нравились малыши, нравилось играть с младшими и сверстниками. Но общение с ними лишь усилило отрицание и гнев. Она не могла понять почему в мире, где всё направленно на укрепление семьи и укрепление ценностей не нашлось места для неё, когда родители уехали.

В родовую палату девочка пришла с отцом вместе. Сразу с порога сказала, что не имеет отношения к тому, что держит в руках её мать и просит не заставлять это брать в руки, чем

довела мать до слез.

После этого отец разрешил девочке покинуть Сектор. Но не в деревню к деду, а в город. В элитный пансионат. Туда же впоследствии перебрался, и дед до своей смерти вместе с перевезенными оставшимися мальчишками. Так Алина вернулась в самостоятельную жизнь.

В Сектор она приезжала не чаще раза в год, останавливалась в женском блоке, или гостевом доме. Она не общалась со своими тремя сестрами, не лезла к матери и удаляла живые фото, переданные ею. Отец не предпринимал попыток уладить эти разногласия и просто сводил к минимуму конфликты…

…Самолет приземлился в сортировочной зоне, девушку провели отдельным путем без очередей в зал запуска систем. Там её системы активировались и подтвердили личность, в базах розыска и нарушений девушка не числилась поэтому ей пожелали счастливого возвращения и пропустили дальше.

Отец её встречал на машине сам. Он почти не менялся сколько она его помнила. Высокий, широкоплечий, с удлинённой модной стрижкой, одетый в деловом стиле в светлых тонах. Сверху пиджак. Он всегда вызывал чувство защищенности и одиночества у дочери. Его глаза всегда задумчиво что-то разглядывали и пронизывали. Алина знала, что отец мог видеть всё что видит она и достать из её памяти всё что Он захочет. Но её всегда грела мысль что он сможет понять

причину тех или иных действий и их последствия. Она всегда знала, что у отца высокий пост, но какая именно должность не знала даже его жена. Официально он работал руководителем отдела разработки технологий. Это подразумевало постоянные отъезды, охрану и много привилегий. Остального не знал никто кроме него.

Девушка считала отца одиноким. Она часто видела, как он наблюдал за людьми с ироничной ухмылкой. По характеру это был очень властный самодостаточный мужчина. Он проявлял агрессию в разговорах по телефону и без, когда считал, что его не слышат члены семьи. Он тратил большое количество времени на тренировки в спорт залах, стрельбе, владении боевыми искусствами и разного вида холодным оружием. При всей своей холодности отец был очень обаятельным и внимательным мужчиной. Его любили друзья и окружающие, он легко завоёвывал внимание всех…

— Я скучал по тебе дочь. Ты очень изменилась за этот год.

Низкий бархатный голос вырвал девушку из мыслей и заставил улыбнуться.

— Извини пап, не скажу того же. Но я очень рада видеть Тебя.

Мужчина усмехнулся и кивнул.

— Ты уже взрослая. Пожалуйста будь к матери …терпимее. И попробуй пообщаться с сёстрами. Хотя бы со старшими.

Девушка глубоко вздохнула.

— Я приготовил тебе гостевой дом на нашем участке. Женский блок не подходит, если ты не собираешься жить в Секторе. Да и пора тогда будет решать в каком из блоков ты будешь жить — для планирующих детей, или нет. Ты же знаешь во всем мире сейчас падает фертильность, мы в Секторе ужесточаем требования и условия. Возрастной порог для рождения детей снижен до двадцати трех…

— Я поняла пап. Постараюсь.

Машина въехала под еле заметный для глаза купол.

Пейзаж резко изменился с серого на разноцветный. Под куполом полным ходом шла весна. Производственные и офисные районы не пестрили цветами, а стояли в выдержанном серо-коричневом стиле — бетон и обожжённое дерево. Вдали виднелись яркие крыши разноцветных построек корпуса материнства. Сектор семейников и охраны выделялся преимущественно белыми и зелеными тонами с вкраплениями строгих зданий из сруба. Мимо по организованным пешеходным и автодорожкам сновали люди. Офисников издали можно было узнать по форме в деловом стиле. Патрули охранников преимущественно черной униформы. Производственники, семейники и те, кто не должен был обозначать принадлежность носили одежду разной цветовой гаммы. Единственное что отличало требования к виду — это юбки и шорты не короче колена, рукава не выше локтя, вырез в платьях, рубашках и футболках не ниже ключичной впадины на пять пальцев шириной, одежда свободного кроя

без излишнего облегания и не больше двух размеров от носимого. Исключения в клубах, ресторанах и заведениях с ограниченным доступом.

Алине нравилась размеренная жизнь Сектора. Живущий тут на благо общества был в полной защите от внешних факторов — сыт, одет и защищен почти от всех видов криминала. Но вторая сторона этого счастья заключалась в тотальном контроле и тирании руководства. Хотя прямого руководителя не существовало, имелся некий орган управления, который так же работал за зарплату на основной работе, а раз в месяц прибывал на созыв для решения возникших вопросов. Полная анонимность обеспечивала спокойное существование людям, управляющим Секторами и их семьям. Первой линией защиты считался — Корпус Теней.

Тени имели доступ всюду и ко всем видам устройств. Это единственные люди, которые знали в лицо всё правительство. У них в подчинении находилась большая часть структур охраны, развития и инноваций. Между собой Тени не общались. Тренировки осуществлялись вне Секторов и активированного населения. Впоследствии никто не мог с точностью сказать какая Тень прошла тренировочный курс и куда назначена на службу. Никто не знал кто выполняет эту функцию, но все знали, что эти люди способны перевернуть мир ради интересов Сектора.

Машина въехала на дорожку отдельно стоящего дома из беленого кирпича. Двухэтажное здание имело огромные вит-

ражные окна в пол на обоих этажах, второй этаж сочетал элементы бруса и мха по стенам и на веранде. Метрах в пяти от основного здания стоял одноэтажный дом в таком же стиле. Окна и стеклянные двери входной группы и гостиной выходили на лужайку перед окнами и оборудованное для отдыха место с костровой чашей, столиком и креслами. Дом утопал в цветущих деревьях.

Глаза девушки зажглись довольным огоньком. Она радостно повернулась на отца, он глянул на нее и хмыкнул. На его лице появилась довольная мужская улыбка.

— Постарайся получить удовольствие от прибывания здесь. Я бы хотел, что б мы жили вместе… большой семьей, пусть и не на одной территории.

Девушка в порыве обняла отца, поцеловала в щеку и кивнула.

— Завтра выход в свет — я получил повышение и должен быть на празднике вместе с семьей. Форма одежды вечерняя. Я запретил матери делать выбор за тебя. Каталог с платьями загрузишь через ассистента и закажешь с моего счета. Там же всё что необходимо. Помнишь, как это делается?

— Помню. Но давно с Улу не работала. Разберемся я думаю.

— Хочешь я запущу обновление через себя?

Дочь громко выдохнула. Вот он и контроль. Но настроение было хорошим и портить его не хотелось, поэтому девушка просто кивнула.

Отец не стал её провожать до дома. Он припарковал машину и пошел в сторону другого дома. Ему на встречу выбежали девочки разного возраста в одинаковых розовых платьях, в волосах банты, но ногах носочки и сандалии. Мужчина широко расставил руки и всех обнял. Девочки почти одновременно стали выглядывать на Алину через плечо отца и что-то шептать ему. Мужчина кивал и толкал их в сторону дома.

Лина пошла в дом. Замок автоматически открылся при приближении. Голос голове радостно заговорил:

— Я универсальный личный управляющий. Установлено последнее обновление. С момента последнего обращения прошло больше двух лет, требуется настройка и адаптация системы.

Девушка закрыла за собой дверь. Прошла в гостиную, села на высокий барный стул возле кухонной зоны и наблюдая за большим домом через окно выдохнула:

— Приступай УЛУ.

Спустя тридцать минут Улу полностью настроил умный дом и подстроился под требования пользователя. Девушка прошла в ванну и погрузилась с дороги в большую углубленную в пол чашу. Лежа в ванной, девушка выбрала платье, туфли, украшения. В это время от отца пришло уведомление, что он заказал на дом визажиста и для нее.

До вечера Лина планировала просто спать. А дальше действовать по ситуации.

В комнате зажглись предупредительные красные полосы и девушка села в постели. Такое предупреждение активировалось, когда в одной комнате находились несовершеннолетние со взрослым, который не имеет доступа в личный круг. В эту же секунду автоматически включалась трансляция у наблюдателей за детской безопасностью и запись с датчиков окружения и глаз.

— Кто тут? Выходи.

Из-под вешалки с вещами тихонечко показалась детская мордочка. Лина села в ванной и внимательно посмотрела на нее.

— Улу?

В глазах появилась информация в виде окошка — перед Линой стояла младшая сестра Агния. Учитывая, что самой Алине было почти двадцать, этой малявке было около шести лет. Девчушка держала перед собой халат. В карих глазах интерес светился со страхом.

Алина выдохнула.

— Давай-ка я вылезу из ванны, и мы познакомимся?

Ребенок кивнул.

— Выйди пожалуйста в гостиную, я сейчас приду. Хорошо? Мне надо одеться.

Девочка улыбнулась и убежала.

Красные трэкеры погасли. Девушка последний раз окунулась с головой и вышла из ванны.

При входе в гостиную трэкеры зажглись по периметру за-

ново. Лина шумно и нецензурно выругалась, чем заработала звуковой сигнал и оповещение от Улу о недопустимости такого поведения при несовершеннолетнем. Девушка еще раз шумно выдохнула.

— Улу кофе, черный без сахара, двойной.

Девушка села напротив ребенка на полу.

— Агния?

Та кивнула.

— А Я — Алина.

Девочка кивнула опять.

В дом зашел отец. Он молча окинул взглядом всё вокруг и посмотрел на старшую дочь, сидящую на полу в объемном халате с распущенными мокрыми волосами, напротив младшей дочери. Трэкеры по периметру погасли.

— Агния Я что тебе говорил? Нельзя без спроса тревожить гостей!

Девочка нахмурилась, потом насупилась, непокорно вскинула голову и четко произнесла:

— А Она не гость! Она часть семьи! Я хочу с ней быть и познакомиться.

Алина невольно улыбнулась проявлению характера и смущенного выражения лица отца.

— Всё хорошо отец. Пусть остается. Только внеси меня в её круг знакомств чтоб постоянно не быть под наблюдением. Ты же знаешь, что я не наврежу ребенку… любому… даже сестре.

Отец кивнул.

— Дело в том, что она не понимает запретов. И постоянно упирается. И проявляет упорство… чем очень напоминает…

— Меня?

Девушка громко рассмеялась.

Отец кивнул с улыбкой и вышел.

— Я жду одежду Агния и продукты. Рассказывай сестра, раз уж ты вломилась в мою жизнь, как живешь, что делаешь.

День пролетел очень быстро с маленькой проказницей. Алина перемеряла платья и привезенные комплекты одежды, позже они вместе с визажистом подбирали прически на следующий вечер, делали маникюр. А когда стемнело Лина разожгла костровую чашу и предложила пожарить шашлык на открытом огне. Агния была восхищена и удивлена, что так можно готовить и смотрела на сестру с восхищением. На такое мероприятие потихоньку стянулись еще две сестры. Это Лина поняла по красным трэкерам вдоль дорожки. Она кивнула им на соседние кресла и дала по шампуру с мясом. Через час трэкеры погасли, что означало что уровень стресса понизился и дети перестали чувствовать опасность. Через витражи большого дома Алина видела, что мать наблюдала за всем со второго этажа, но не вмешивалась. Машины отца не было, из чего девушка сделала вывод что он уехал.

Ближе к десяти вечера Алина стала отправлять сестер в сторону дома. В этот момент подъехала машина. Отец сидел

на пассажирском, на водительском сидел молодой парень. Они обменялись рукопожатиями, и отец вышел. Он замер от увиденной картины — четыре его дочери вокруг тлеющей костровой печи, на столе шашлык — свежий и жареный, овощи и фрукты. Самая младшая спит на руках у старшей, а две другие на перебой рассказывают шепотом о своих достижениях и просят рассказать о «сером» мире вне Сектора.

Мужчина обернулся к машине — что-то сказал, парень кивнул и уехал. Уверенными размашистыми шагами отец подошел к дочерям.

— Давайте-ка спать малышня. Почему еще не в постели? Вы утомили Алину за день. Ну-ка брысь!

Всё это сопровождалось улыбкой. Он взял на руки спящего ребенка, остальные две просто топали рядом. Через два шага он обернулся:

— Еще посидим? Вместе? Я только отнесу в кровать этих мартышек.

Лина кивнула. И когда он дошел до дома громко добавила:

— Она пусть тоже приходит. Я буду… хорошо себя вести.

Мужчина кивнул и вошел в дом. Девушка села в кресло и уставилась на угли. Потрескивание огня создавало уютное тепло. Девушка увидела, как окна замутнели и стали непроницаемы для внешнего вида.

На дорожку опять подъехала машина. Молодой парень вышел из машины и направился к Лине. На вид он был ненамного старше девушки. Высокий, спортивный, с черными

вьющимися волосами. Орлиный нос и большие глаза с пушистыми ресницами придавали внешности озорной и опасный вид. Черные брюки, темная рубашка и распахнутая костюмная жилетка с золотистым узором в общем виде выглядело очень гармонично.

Парень оглядел девушку с ног до головы несколько раз и улыбнулся. Ровные белоснежные зубы блеснули в сумраке.

— Максимилиан, стажер в отделе Вашего отца.

С этими словами он поставил на стол пакет и стал из него доставать шампанское, вино и виски. Далее выудил шоколад и фрукты. Сам сел в кресло и только потом спросил:

— Не против?

Алина усмехнулась.

— Нет, в конце концов это дом моего отца. Алина… старшая дочь… упертая и своенравная. Местами разочарование семьи.

Девушка рассмеялась. А парень немного наклонился с серьезным видом, еще раз всмотрелся в лицо девушки и тихим бархатным голосом выдохнул:

— Я бы за такое разочарование поборолся. И Я слышал только положительное от Дмитрия.

Парень откинулся на спинку стула. У Алины перехватило дыхание. Мелкая дрожь прошлась по телу, лицо вспыхнуло от неожиданного комплимента.

— Вот я не джентльмен. Вина? Шампанского? Мужские напитки не предлагаю.

Лина кивнула на вино.

— Схожу за пледом, становится прохладно.

Парень кивнул.

— Я разожгу угли, смотрю мясо еще есть. Боже я не ел жаренного на открытом огне мяса лет восемь.

И опять усмехнулся своей мальчишеской улыбкой.

Алина поймала себя на мысли, что улыбнулась в ответ. И быстро вбежала в дом. Сердце билось чаще чем надо. Лицо пылало огнем. Девушка наблюдала через витражи за парнем. Его плавные движения напоминали передвижение хищника. Он закатил рукава рубашки и занимался огнем. В свете огня вид мужественного парня дух захватывал.

— Боже да что со мной, — проговорила девушка в слух.

Она накинула плед на плечи, но выходить наружу и быть с ним на едине не торопилась. Он её смущал. Такие эмоции вызывал только один мужчина в её жизни до этого момента… Лина тряхнула головой.

Из дома вышел отец в джинсах, футболке и кофте на распашку. Он нес бокалы. Только в этот момент девушка вышла из своего дома и села на кресло, подтянув туда же и ноги под себя. Парень хмыкнул.

— Макс ты познакомился с Линой?

Парень кивнул.

— Ты говорил, что у тебя есть дочь и она изучает внешний мир, но что она красавица умолчал.

Девушка опять почувствовала, как заливается краской.

Парень словно почувствовал это и обернулся. Он посмотрел прям в глаза, не мигая и широко улыбнулся.

— Макс у тебя там мясо сгорит пока ты тут глазки моей Дочери, на минуточку, строишь.

Парень отвернулся к чаше и отсалютовал бокалом.

— Почему ты выбрала именно такой вид отдыха?

Девушка посмотрела отцу в глаза:

— Мне это напоминает деда, Марфу и как мы его жарили по вечерам во дворе пансионата.

Мужчина задумчиво кивнул.

Из дома вышла женщина. Лина наблюдала за приближающейся матерью. Смесь волнения, обиды, любви, разочарования и грусти одновременно проявились в крови. Девушка выпила бокал залпом и спустила ноги налить еще. Женщина приблизилась и эмоции изменились на удивление.

Лина помнила мать другой. Сейчас женщина стала совсем хрупкой и на её лице стал виден возраст, хотя матери было немного за сорок. Отец, казалось, застывал во времени и почти не старился, он взрослел. На лице матери проявилось спокойствие, которое раньше было еле уловимо. Вокруг глаз и губ проступили мимические морщинки, на лбу виднелись бороздки. Пристрастие к коротким стрижкам тоже прошло, волосы струились до середины спины и переливались седыми прядями. Мать стала более худощавой и казалось уменьшилась ростом. Для недавно родившей женщины она выглядела сильно худой. Под глазами круги.

— Здравствуй Лина, — просто сказала мать и уже хотела сесть в кресло рядом с мужем, когда какой-то внутренний порыв заставил девушку встать и обнять мать.

Алина обнимала женщину и чувствовала еле уловимый запах детства. Мать молча обняла девушку в ответ и погладила по распущенным волосам.

— Мне оказывается этого не хватало, — просто произнесла дочь. Мать кивнула и вытерла выступившие слезы.

Отец кашлянул. Женщины улыбнулись и сели в кресла.

— Здравствуй Максимилиан.

Парень кивнул женщине и протянул бокал с вином.

Она помотала головой.

— Я кормлю грудью, мне нельзя. Да я и не пью уже больше пяти лет. Ты решил присоединится к нам?

— Дмитрий предложил составить компанию, я не смог отказаться. Тем более в приятной компании. Мне бы дома было скучно, а тут можно посидеть в семейном кругу, почувствовать себя частью чего-то большего. Я скучаю по своим, вы же знаете я не из этого Сектора.

Женщина кивнула.

Вечер прошел по большей степени за разговором двух мужчин — коллег, они обсуждали планы на неделю, предстоящую командировку отца и его повышение. Мать просто слушала и через час попрощалась и ушла в дом к ребенку. Перед уходом она поцеловала дочь в лоб и спросила разрешение утром прийти к ней пообщаться. Та в ответ кивнула.

— Если мой вопрос не тактичен вы меня осадите, но вы не по-семейному разрозненны. Это видно со стороны. Что-то случилось?

Отец улыбнулся своей холодной улыбкой и уже что-то хотел сказать, но инициативу взяла Алина.

— Я слишком давно живу одна вот и весь секрет. А мои родители поддерживают моё стремление в выборе. Мать устала в заботах, а я как видишь тут редкий гость я учусь в городе.

Парень кивнул. Отец налил в бокал жидкость и вопросительно показал дочери. Она улыбнулась и показала на шампанское. Мужчина взял чистый бокал и налил пенящуюся жидкость до краев, затем передал девушке.

— Макс завтра сопровождает меня на прием, ты не против если Он отвезет тебя?

— Мне нужно сопровождение отец?

— Я не смогу быть с вами вечер. Мать будет с девочками и тоже уйдет после официальной части. А будет прием, фуршет, потом что-то вроде танцев. Ну и я бы хотел, чтоб ты посмотрела взрослую часть Сектора. Возможно клуб. Я хочу, чтоб ты и тут оценила масштаб перспектив… как недавно в городе. Макс живет в районе одиночек, он сможет лучше познакомить тебя с этим. Никаких подоплёк. Как ты на это смотришь?

Девушка кивнула. Намек про посещение Обители достиг цели. На мгновенье в девушке вспыхнула ярость, отец, чув-

ствуя это добавил:

— Мне звонил Федя. Я держу своё слово по контролю перед тобой. И очень бы не хотел, чтоб теперь вышло так что я сдал того, кто сдал тебя. Я просто хотел узнать, где ты и не смог дозвонится. Он единственный, кто мне ответил и очень популярно, и витиевато попросил провести с тобой беседу. Почему-то он считает, что я могу повлиять на тебя.

Мужчина улыбнулся. Объяснение разумное. Федя имел способность сдавать Лину и деду в детстве, когда считал, что её нужно оградить от неё самой. В её проделках он пытался быть голосом разума. Поэтому девушка еще раз кивнула и широко улыбнулась, смотрящему на нее парню.

— Я буду в бирюзовом, если это важно.

Парень улыбнулся и кивнул.

— Лина иди домой. Мы с Максом еще посидим пол часа и потом разойдемся. Я сам уберу со стола.

Девушка не стала спорить, попрощалась и ушла в дом. Дома она быстро скинула одежду и наконец легла в постель. Только сейчас она поняла, что с момента отъезда ей так и не удалось отдохнуть. Впервые за много лет на душе было тепло и уютно.

Утром на дверной ручке красовался букет с запиской: «Красивой девушке доброго утра.» И витиеватая буква «М» вместо подписи. Лина даже не заметила, что она приняла душ и заварила кофе постоянно улыбаясь. И даже мать, ворвавшаяся в утреннюю тишину, не вызывала негатива.

— Наверно я стала взрослой…

Проговорила девушка в пустоту. Мать заварила себе чашку чая с травами и села на диван. Лина сидела по привычке рядом с диваном на ковре перед столиком с кофе. Женщина покачала головой, но промолчала.

— Я рада, что ты тут.

Наконец произнесла мать.

— Хоть ты и не поверишь, но я очень скучала. Ты мой старший ребенок. Самая независимая… Я хочу, чтоб ты понимала, я люблю тебя, как и всех твоих сестер, но ты появилась в тяжелый момент. У меня появился ребенок, а что им нужно заниматься постоянно я не понимала. Вокруг все так жили и это было самым простым. Я не прошу меня оправдать, я хочу, чтоб ты поняла, я была матерью первый раз. Меня никто этому не учил, и я не хотела, чтоб кто-то лез в мои дела. В мою семью. Особенно родители. Наверно поэтому всё так. Сможешь ли ты понять меня?

Алина смотрела на мать, сгорбившуюся и напряженную. На трясущиеся руки. И где-то внутри она поняла, что не хочет больше злиться и лишать себя семьи.

— Мам, я думаю я тоже была не права. Давай просто начнем сначала, хорошо?

Женщина кивнула. В глазах блестели слезы. Она поставила чашку и встала.

— Скоро придут визажисты. Проведи хорошо время дочь. Для этого и дана юность.

С этими словами мать вышла. На ней было домашнее платье из холодного шелка со шлейфом, волосы красиво были уложены в пучок. Тоненькая и маленькая она напоминала фею.

Лина смотрела в спину и размышляла — почему они так не похожи. Дочь больше напоминала отца — высокая, с холодным взглядом, русая. Дед часто говорил, что девочка достойная копия отца и матери, но это всегда казалось оскорблением и насмешкой…

День прошел быстро и в заботах. Визажисты соорудили высокую прическу в стиле лондонского света — волосы короной были собраны высоко вокруг головы и прихвачены лентами и кружевом в цвет платья, лишь небольшие завитые пряди обрамляли лицо и виски девушки. Вечерний макияж Лина настояла сделать максимально естественно. Длинное платье в греческом стиле высоко поддерживало грудь, вырез до середины спины оголял белоснежную кожу. Туфли девушка выбрала на небольшом каблуке и платье получилось длинной в пол. Сверху кашемировое пальто с капюшоном. Девушка не узнала своего отражения. На нее смотрела молодая женщина. Юная неопытная девочка с косой и потертых джинсах уступила место другому образу.

Максимилиан приехал на служебной машине. На нем был темно синий костюм тройка, рубашка в тон платью спутницы. Кудри аккуратно зачесаны назад и лишь пара прядей у лица придавали мальчишеский вид. Лина рассмотрела его

синие глаза с голубыми кристальными вкраплениями. Такой глубины глаз она в своей жизни не видела. От парня кружилась голова и краснели щеки.

— Ты затмишь весь местный бомонд. Даже немного горжусь тем, что имею преимущество перед остальными парнями. Мне не нужно стоять в очереди у меня уже есть возможность заявить, как ты прекрасна.

Алина покраснела еще гуще, а Макс наклонился прям к её лицу и прошептал: «А губы у тебя вообще сумасшедше красивые, как и глаза.»

Потом выпрямился и повел девушку за собой в машину.

— Спасибо за букет.

Единственное на что хватило запаса смелости выдавить из себя у девушки.

Парень кивнул, и машина поехала.

Ехали в тишине. Девушка искоса поглядывала на парня. Ей нравился его уверенный и немного шальной вид.

— Сколько тебе лет? — спросил Макс не оборачиваясь, - Уже недалеко до возраста решения насколько я вижу?

— Почти двадцать. И я пока не решила, чего хочу. Я даже не решила, где жить буду, больше склоняюсь к свободному миру. А ты бывал во внешнем мире?

Парень кивнул.

— Да я год прожил до возраста решения. И осознанно вернулся. Но в моем Секторе в основном промышленные производства, поэтому в структуру разработок я переехал в этот.

Да и с женщинами тут проще. Их тут больше. Ты детей и семью хочешь?

— Это предложение? — девушка рассмеялась.

— Я привык прямо говорить. Мне все-таки уже двадцать пять. Хорошо хоть нам отменили требование обязательной стерилизации по возрасту. Ты красивая девушка, молодая, видно, что здоровая. У нас будут красивые дети. У меня перспективы. Да и ты не глупая раз учишься в пансионате. Тут в твоем возрасте уже заканчивают образование и изучают домоводство… ну кроме тех, кто отказывается от семейной жизни. Я бы хотел жену, не зацикленную на стирке и уборке, чтоб было что обсудить… длинными ночами.

— Максимилиан…

— Макс.

— Макс… ты меня смущаешь. Говоришь про меня как про лошадь… вот поэтому я и не люблю Сектор. Зачем торопиться? Я тебя вчера первый раз увидела в конце концов.

— Я разве не вызываю в тебе желания?

Парень усмехнулся. Алина покраснела.

— Ответ у тебя на лице Алина. Ты во мне очень даже вызываешь желание, я даже рад, что ты не из Сектора, тут все «штампованного» размера и цвета. А ты индивидуальная. Мне нравится, что ты …ммм …дышишь жизнью. Я думаю, в постели мы подойдем просто идеально.

Девушка смущенно повернулась в окно.

Машина свернула на дорожку к большому зданию, осве-

щенному со всех сторон. Остановившись на парковке, парень обошел машину и открыл дверь пассажирке. Протянул руку и помог выйти. Парень остановился, преградив дорогу и долго рассматривал лицо девушки. Алина подняла на него вопросительный взгляд.

— Ты что девственница?

Алина вырвала свою руку из его кисти и попробовала обойти. Парень расставил руки так чтобы девушка осталась перед ним огражденная с одной стороны дверью машины, а с другой его телом.

Девушка пихнула парня, но это не помогло. Он склонил голову к её лицу почти в плотную и поцеловал в лоб. Парень улыбался.

— Прости меня Лина, прости пожалуйста. В твоем возрасте… в таком возрасте… боже почти все девушки уже определились что они делают дальше и активно живут … взрослой жизнью. Забудь всё что я наговорил. Я всё исправлю. Пойдем.

Девушка просто молча шла рядом, держась под руку. В большом зале стояли столики и сидело много людей, на вид больше двухсот. Родительский стол стоял почти у самой сцены. Там уже сидел отец и мать с сестрами. Макс отодвинул стул, приветственно кивнул присутствующим и ушел за соседний стол, за ним сидели одни мужчины. Обилие свисающих украшение цветов по стенам и с потолка создавало сказочную атмосферу. Голограммы на стенах и потолке давали

ощущение, что все происходит на свежем воздухе на улице. К столику постоянно кто-то подходил, жал руку отцу, целовал руку матери и после представления Алине, как совершеннолетней спутнице. Огромное обилие новых имен и вопросов за два часа утомили девушку до такой степени что голова шла кругом. Отца поздравили с назначением, затем поздравили еще около десяти мужчин и женщин за достижения перед Сектором и праздник перешел из официальной части в развлекательную. Отец постоянно пропадал от стола, мать была занята гостями после передачи детей дежурным нянечкам. Стало шумно и весело. Алкоголь и вкусная еда в изобилии перемещались официантами.

— Я поеду через пол часа домой Лин. Отец будет тут почти до окончания с награжденными и почетными гостями, ты тоже можешь делать что хочешь. Я попросила подойти из центра паре девчат твоего возраста, очень надеюсь, что они скрасят твоё время не хуже …Макса.

Девушка смущенно кивнула. Она хотела домой и одновременно в толпу с молодежью. От вина уже кружилась голова и бросало в жар, зато забылся разговор с парнем в машине. Лина поймала себя на мысли что завидует им всем. Беззаботной прямоте. Они четко понимали, что и в какой момент случится, или будет запланировано. Размеренная стабильная жизнь… под контролем…

Алина тряхнула головой.

К столику подошли три смеющиеся девушки. Они были

одеты в платья светло-розовых тонов с прическами — кудряшками, собранными сзади в водопады, на высоких каблуках и с вырезами на платьях. Девушки на перебой стали щебетать с матерью Алины и поглядывать на девушку с интересом. Мать всех тепло обняла и обернулась:

— Алина — это Мария, Таша и Ника. Мы все работаем в центре материнства. Девочки заканчивают в этом году образование и полноценно приступят к работе с детьми и созданию собственных семей. Я их попросила, занять твое время, показать, что да как, ну а может у вас все-таки много общего, кто знает. А я девочки прощаюсь и уже еду домой.

Девочки удивленно раскрыли глаза.

— А вы разве не с Дмитрием празднуете? Дети же у дежурных? Вы давно не брали взрослых дней, так нельзя!

Женщина еще раз улыбнулась и грустно глянув на дочь произнесла перед уходом: «Свои взрослые дни я потратила с первым ребенком…»

Она помахала девушкам, по пути что-то сказала мужу и ушла.

— Взрослые дни?

Лина вопросительно посмотрела на девушек и те рассмеялись. Они потянули её за свой столик, где сидело еще около пятнадцати девиц, вручили бокал чего-то сладкого и сильно пахнущего алкоголем и усадили между собой.

— Это когда маме с папой надо отдохнуть от забот от детей. Сходить клуб, выпить с друзьями, заняться взрослы-

ми делами не по-тихому, а как получится. Для это есть дежурные няньки в центре материнства. Есть еще работающие мамки, которые не бросают всё ради быта и живут не только на пособия и зарплату материнскую, для них тоже есть патронажные няньки или дежурные. В общем сейчас система так налажена что не страшно родить и десять детей, одну не оставят. Понятен смысл?

Алина кивнула и сделала очередной большой глоток коктейля. Дальше девочки пили, танцевали и просто знакомились. Макса весь вечер видно не было. Спустя часа четыре беспробудного пьянства и танцев Лина сдалась и попросила пощады в виде отправить её домой. Таша сказала, что тоже готова ехать домой и у нее брат на машине, так что они с радостью отвезут её.

— Таша, а почему я такая пьяная? Я в городе напиться не могу почти, а тут прям еще чучуть и тебя будет двое.

Девушка громко икнула и улыбнулась.

— В зоне сектора защита в крови почти не работает. Типа безопасная зона. Ну если ты сама не активируешь. Но даже тогда она будет работать не так как в серой зоне, потому что тут алкоголь синтетический, он специальный для активированных, чище и с какими-то добавками. Вон брат подъехал, идем.

Девушки подошли к небольшой машинке похожей на каплю с колесами. Спереди красовался знак Л.

— Я знаю такую модель! -громко сказала Лина, -Это Ле-

хус!

Парень, совсем юный, лет шестнадцати громко рассмеялся вместе с девушками.

— Садись Таша, я уже спал, между прочим, когда ты позвонила, и ты Лехус садись, кем ты ни была.

— Она у нас проездом Тис, к родителям приехала, она еще не приняла решение, где будет жить.

— Аааа, ты из бунтарей значит. Я раньше не видел таких. Только тех, кто выезжает в серую зону на год перед вступлением во взрослую жизнь. Но они все однозначно вернулись. А бунтари не такие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.